

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.
ПРЕДАНИЕ О ПАТРИОТИЧЕСКОМЪ
ИНСТИТУТѢ**

съ 1818 г. по 1834 г.*)

Года два тому назадъ, въ "Зарѣ" была напечатана статья: Очерки институтской жизни былого времени. Очерки эти въ общности настолько вѣрны, что ихъ можетъ подтвердить воспитанница каждаго русскаго института; но это очерки общіе, здѣсь же предлагается частный очеркъ одного заведенія. — Патриотическій институтъ, младшій изъ трехъ первостепенныхъ петербургскихъ заведеній, основанъ вскорѣ послѣ отечественной войны для дѣтей убитыхъ или раненныхъ воиновъ; его основали нѣсколько русскихъ женщинъ, взявъ на себя издержки и попеченіе и назвавъ заведеніе свое "Женскимъ Патриотическимъ Обществомъ." Покойная Императрица Елизавета Алексѣевна пожелала вступить въ число этихъ

*) Изъ рукописей покойнаго В. И. Даля, доставленныхъ по его распоряженію въ редакцію.

благородныхъ членовъ—основательницъ, и наравнѣ съ другими посвящала свои заботы и досугъ вновь возникающему скромному училищу.

Я слышала въ 1829 году, по преданію, что кромѣ частныхъ посѣщеній трудящихся дамъ, были назначены въ самомъ заведеніи общіе сѣзды; членовъ, кажется, было семь: княгиня Кочубей, Канкринна, урожд. Муравьева, Сухарева, кажется, Лонгинова, другихъ не припомню. Кромѣ внѣшняго и внутренняго управленія, члены слѣдили за ученьемъ, за способомъ преподаванія, слушали чтенія учителей и сами задавали дѣтямъ вопросы; говорятъ, что и государыня занималась наравнѣ съ другими. Вскорѣ понадобилось увеличить заведеніе, для чего однако средства жертвовательницъ оказались недостаточными, и покойный Императоръ Александръ, по просьбѣ супруги своей, положилъ основаніе Патріотическому Институту, а при ИМПЕРАТОРѢ Николаѣ, составъ института увеличенъ на счетъ Комитета Раненыхъ, который обязался вносить изъ своихъ суммъ на воспитаніе

дѣтей военныхъ чиновъ, находящихся подъ его покровительствомъ.

Не смотря на видоизмѣненіе института, въ немъ остался, такъ сказать, прежній семейный строй: дамы благотворительницы пріѣзжали по старому, Царица навѣщала его во всякую пору дня, входила во все, но преимущественно обращалась между дѣтей, спрашивала о томъ, что безъ нея случилось замѣчательнаго, о родителяхъ, о томъ, кого дѣти болѣе любятъ изъ классныхъ дамъ, кого изъ учителей, и за что.

Однажды лѣтомъ, Государыня пріѣхала въ девятомъ часу вечера; дѣти ужинали, а вновь взятый швейцаръ, не зная Царицы, отказался впустить Ее; но сопровождавшая Ее статсъ-дама сказала, что онѣ хорошо знакомы съ начальницей и просила проводить ихъ къ Луизѣ Ѳеодоровнѣ.

Начальница, по обычаю своему, обѣдала и ужинала съ дѣтьми; хотя въ Петербургѣ объ эту пору бываютъ уже полусумерки, но лампы еще не зажигали; Государыня вошла въ столовую и пріостановилась у порога, дѣти встали, поклонились вошедшимъ незнакомкамъ — и вдругъ лавки и табуретки

попадали, всѣ съ радостнымъ крикомъ бросились къ дверямъ; я слышала отъ очевидицъ, что онѣ узнали Царицу только по стану и по осанкѣ Ея. Дѣти окружили только что пріѣхавшую изъ Царскаго Села Государыню, цѣловали руки Ея, обнимали колѣна; Она же, по обычаю своему, цѣловала ближайшихъ, а остальнымъ посылала поцѣлуи рукой, говоря: — ловите, дѣти, и дѣлите; — всѣхъ васъ обнять и перецѣловать не могу. Императрицы **ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА** и **АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА** всегда говорили съ дѣтьми по французски. — Счастливицы! слышалось изъ толпы. — Ангель, **ГОСУДАРЫНЯ!** хоть бы намъ, несчастнымъ, поддержать **ВАШУ** шляпку или перчатки!

Тогда **ЦАРИЦА** снимала шляпку и передавала дѣтямъ, снимала перчатки и мячикомъ бросала въ толпу: дѣти прыгали, ловили, дѣлили добычу, а на нихъ летѣлъ шейный платочекъ, наконецъ падала шаль, покрывъ цѣлую толпу дѣтей, которая, барахтаясь въ ней, цѣловали и прижимали къ себѣ.

Я застала преданіе о двухъ Юлинькахъ, одной прозваніе начиналось съ буквы К, другой съ буквы П; дѣвочки эти особенно смѣло выказывали свою привязанность къ ГОСУДАРЫНѢ; будучи очень малы, онѣ всегда протискивались впередъ и заводили съ ЦАРИЦЕЮ разговоры въ родѣ такихъ:

— ГОСУДАРЫНЯ, прикажите мнѣ отвѣтить ВАМЪ фаблю (такъ на институтскомъ языкѣ звали басню).

— Отвѣчай!

— Старую или новую?

— Которую лучше знаешь.

— О, я обѣ хорошо знаю!

И дѣвочка, отвѣтивъ бойко одну, принималась за другую, но тутъ другая Юлинька сильно дергала ее за платье, заявляя свой чередъ стать передъ ГОСУДАРЫНЕЙ, и ставъ на мѣсто товарки начинала безъ запинки, а иногда, чтобы не помѣшалъ кто, такъ и продолжала безъ передышки хорошо заученную басню.

Разъ какъ-то ГОСУДАРЫНЯ посадила одну изъ этихъ дѣвочекъ къ себѣ на колѣна, а та, играя Ея золотой булавочкой, попросила ЦАРИЦУ подарить ее ей.

Неуспѣло дитя договорить своей просьбы, какъ нѣсколько голосовъ закричало: — и намъ, и намъ также!

ГОСУДАРЫНЯ разсмѣялась, сказавъ, — развѣ вы не знаете, дѣти, повѣря, что булавками не дарятся?

— Знаемъ, знаемъ, закричали всѣ въ голосъ, — но мы, ГОСУДАРЫНЯ, никогда не поссоримся съ ВАМИ; мы скорѣе всѣ умремъ за Васъ! Мы Васъ обожаемъ, какъ никто никого и никогда не обожалъ!

Вскорѣ ГОСУДАРЫНЯ, для раздачи дѣтямъ, прислала большой стеклянный ящикъ, биткомъ набитый модными въ ту пору вещами изъ цвѣтной мастики; тамъ были: подвѣсочки, крестики, бусы и прочія бездѣлушки, а посреди ящика, синяя подушечка съ тремя бѣлыми камнями: одна изъ нихъ была голова императора АЛЕКСАНДРА, другая императрицы, а между ними дѣтская головка, не знаю одной ли изъ маленькихъ умершихъ царевенъ, дочерей императора АЛЕКСАНДРА I, или головка любимца племянника, будущаго наслѣдника престола. Начальница тотъ часъ же одѣлила всѣхъ, а остальное спрятала,

чтобы дарить дѣтямъ въ ихъ праздники: во дни рожденій и именинъ. Въ мое время царскихъ вещицъ ужъ не раздавали, но я видѣла оставленный на память завѣтный стеклянный ларецъ съ синенькой подушечкой и съ полусотнею цвѣтныхъ подвѣсочекъ, бережно уложенныхъ на ватѣ; съ какимъ подобострастіемъ мы тѣснились заглянуть на него, когда открывали комодъ начальницы, чтобы достать бисеру, шелку, синели и прочаго припасу для дѣтскихъ работъ! Со временемъ мнѣ прійдется еще разъ помянуть объ этомъ дорогомъ памятникѣ. Дѣти не преувеличивали, выказывая свою любовь Царицѣ, онѣ обожали Ее не институтскимъ обожаніемъ, а любили всѣми силами дѣтской горячей души; онѣ потерю Ея безконечно оплакивали и по дѣтскому простодушію, причислили ее даже къ лику святыхъ, назвавъ ангеломъ хранителемъ института; къ Ней, къ памяти Ея даже обращались за заступничествомъ въ маленькихъ институтскихъ бѣдахъ; конечно, все это было не разумное ребячество, но съ тѣмъ вмѣстѣ поддерживалось во многихъ благоговѣйное уваженіе ко всему тому, что

старалась Она развить въ дѣтяхъ. Это благоговѣніе я застала, какъ аромать уже увядшаго цвѣтка, но онъ еще жилъ, и былъ присущъ всему заведенію.

Дѣти знали наизусть все, что когда либо говорили о ней поэты, но любимѣйшими стихами были стихи Пушкина:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
И силѣ въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ;
Но признаюсь предъ Геликономъ,
Гдѣ Кесталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елисавету въ тайнѣ пѣлъ!
Земной небеснаго свидѣтель,
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтною красой;
И не подкупной голосъ мой
Былъ эхомъ русскаго народа!
Вы помните, когда она,
Средь васъ являлась,
Васъ ласкала,
Свой царскій блескъ въ любви
скрывала,
Какъ мать дѣтьми окружена.
Вы помните—ль тотъ день печали,

Когда на лѣстницѣ толпясь
Ее въ путь дальній провожали
И плакали о ней молясь.
Она на вѣкъ отъ васъ сокрылась,
Что вижу я средь васъ?
Она—ль къ вамъ съ неба
возвратилась?

Ея улыбка, видъ отрадный
И тотъ же кроткій, милый
взглядъ.

Увы! уста Ея молчатъ!
Одно изображенъе отнынѣ будете
вы зрѣть.

О дѣти, мать окружите,
Ея припомните вы гласъ,
Предъ Ней колѣни приклоните,
Она съ небесъ глядитъ на васъ,
И АЛЕКСАНДРЪ завещала
Своей любовью васъ любить.

(Кажется мнѣ память измѣнила, и въ
стихахъ этихъ чего—то недостаетъ, —
слѣдовало бы пополнить, но едва—ли они
напечатаны).

Гримъ, не зная Руси, сказалъ, что
Императрица ЕЛИСАВѢТА АЛЕКСѢЕВНА
прошла у насъ незамѣтно; это могъ сказать
житель Петербурга, гдѣ живутъ однимъ

дворомъ, но о русской землѣ вообще, этого сказать нельзя, особенно говоря о той порѣ. У насъ царь и царица нераздѣльны, разговоры объ нихъ неистощимы и по большей части преувеличины, или урѣзаны по волѣ рассказчика.

Въ раннемъ дѣтствѣ я много слышала прекраснаго и сердечнаго о ЕЛИСАВѢТЕ АЛЕКСѢЕВНѢ, но рассказы тѣ, какъ ребенокъ понимала смутно, однимъ сочувствіемъ; только два врезались поглубже въ моей дѣтской памяти: первый я слышала отъ губернской аристократки, 70 лѣтней старушки А: П: Р..... которая говорила, что въ 1812 году, когда Наполеонъ, все напирая, шель впередъ, дворъ вознамѣрился переѣхать въ Англію, а императрица Ел. Ал. впервые противъ тихаго обычая своего возстала, объявивъ, что ни въ какомъ случаѣ не покинетъ Россіи, хотя бы ей пришлось погибнуть! —

Ну и таки настояла на своемъ, прибавляла старушка, пристукивая по столу рукой, и важно оглядывая присутствующихъ, — вѣдь никто не тронулся изъ Петербурга!

Другой анекдотъ я слышала въ 1828 году, на почтовой станціи, куда выюга

согнала много разнаго народу; рѣчь пошла о неожиданной кончинѣ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА и затѣмъ ИМПЕРАТРИЦЫ; одни приписывали это одному, другіе другому; вдругъ кто-то въ крытомъ тулупчикѣ сказалъ: ничего вы не знаете, а я такъ до подлинности увѣдалъ, что Они оба и теперь еще живы и спасаются въ пустынь; ушли же Они за наши грѣхи молиться. ЦАРИЦА, святая, праведная душа. Она сказывають, давно Его батюшку подговаривала; затѣмъ то и въ Таганрогъ уѣхали, чтобы никто не видалъ, какъ они скроются!

Разсказъ по себѣ безсмысленъ, но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ видно, что народъ приписывалъ царицѣ своей починъ въ подобныхъ подвигахъ.

Въ 1825 году, уѣзжая съ ГОСУДАРЕМЪ въ Таганрогъ для поправленія здоровья своего, покойная ГОСУДАРЫНЯ ввѣрила институтъ попеченію ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

Провидѣніе не судило Ей вернуться, и Патріотическій институтъ перешелъ, какъ личное наслѣдство, къ молодой ЦАРИЦѢ.

Извѣстно, что всѣ учебныя женскія заведенія были подъ покровительствомъ вдовствующей **ГОСУДАРЫНИ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ** и оставались въ Ея вѣдѣнїи до самой кончины Ея. Наша же новая покровительница привязалась къ завѣщанному Ей институту со всей теплотой и заботой материнскаго сердца; по рассказамъ воспитанницъ, Она очень баловала дѣтей, часто навѣщала ихъ, въ изобилїи присылала лакомства; по случаю же предполагаемой перестройки Патріотическаго института, перевела воспитанницъ на два лѣта въ Царское село, которое, по рассказамъ дѣтей, было землей обѣтованной, текущей не только молокомъ и медомъ, но сливками и плодами. Желая вполнѣ ознакомиться съ правилами и бытомъ институтской жизни, **ГОСУДАРЫНЯ** ежедневно посѣщала дѣтей, и въ классахъ, и за обѣдомъ, и во время игръ. Она знала поимянно всѣхъ учителей, классныхъ дамъ и многихъ дѣтей. Институтки, гуляя въ саду до усталы, играли съ семилѣтнимъ наслѣдникомъ въ мячикъ и въ лошадки, а **ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА МАРІЯ НИКОЛАЕВНА**

была безпрестанно съ воспитанницами, и даже носила институтскій мундиръ маленькаго класса: зеленое платье съ бѣлымъ передникомъ и пелеринкой.

Иногда навѣщала дѣтей вдовствующая ГОСУДАРЫНЯ, и тогда маленькая царевна торопливо становилась въ ряды институтокъ; ИМПЕРАТРИЦА же притворялась, будто не узнаетъ своей внучки. Каждый день, по очереди, нѣсколько дѣвочекъ маленькаго класса обѣдали у ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ, онѣ однако же не хвалились передъ прочими лакомыми кушаньями, потому что ГОСУДАРЫНЯ всѣхъ своихъ дѣтей, какъ называла Она воспитанницъ, щедро угощала. Но пришла холодная, ненастная осень, горюющихъ институтокъ посадили въ кареты и повезли домой; поровнявшись съ окнами, онѣ высунулись, чтобы еще разъ взглянуть на мѣсто, гдѣ жила Царская семья. Въ институтѣ долго вспоминали съ чувствомъ глубокой благодарности ту семейную жизнь, къ которой дѣти были допущены своей молодою ГОСУДАРЫНЕЙ. Послѣ кончины МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ, ставъ

главою всѣхъ институтовъ, ЦАРИЦА старалась ихъ ровнять, но Ее все-таки подозрѣвали въ пристрастіи къ Патріотическому.

Доселѣ я рассказывала однѣ преданія, которыя считались вѣрными, теперь же стану говорить о современномъ мнѣ.

Меня везли въ институтъ изъ-за двухъ тысячъ верстъ зимой; мы ѣхали, ѣхали, казалось и конца не будетъ нашему странствію по сугробамъ и выюгѣ. Лежа въ закрытой повозкѣ бокъ-о-бокъ съ дѣвятилѣтней дѣвочкой, которую мать моя взялась доставить въ тотъ же институтъ, я часто задумывалась надъ тѣмъ, что такое институтъ и какой онъ бываетъ?

И надумала не знаю по словамъ ли другихъ, или по своему воображенію, что институтъ долженъ быть очень большой и важный домъ.

Этотъ вопросъ не занималъ моей сосѣдки, она отвѣчала на всѣ мои распросы: — а я почему знаю!

Хотя мы ѣхали изъ одного города, въ одно и тоже заведеніе и были даже другъ дружкѣ нѣсколько сродни, но дружбы между нами ни прежде, ни послѣ не

бывало. Маменьку же я мало спрашивала, замѣтивъ, что она груститъ по мнѣ, а иногда и плачетъ, хотя при этомъ и повторяетъ, что очень счастлива, пристраивая меня въ институтъ. Какой же это институтъ, гдѣ такъ хорошо что всѣ за меня радуются и всѣ меня поздравляютъ, думала я?

И мнѣ опять является надуманный мною не ясный образъ большого дома. Наконецъ доѣхали до Петербурга: громадность зданій, шумъ, ѣзда, освѣщеніе — все это изумило и ошеломило меня до тупости! Чрезъ два дня маменька повезла сдавать насъ въ институтъ; подѣхавъ, я оглянула его: вотъ онъ; тотъ чинный большой домъ, только выше и свѣтлѣе того, какимъ я его воображала; на челѣ дома вѣнчаный орелъ, съ широко раскинутыми крыльями. Швейцаръ отворилъ намъ огромную стеклянную дверь съ мѣдной рѣшеткой и провелъ на лѣво, на половину начальницы, гдѣ меня болѣе всего удивилъ паркетъ: мелкій въ кругахъ, какъ рѣзная шкатулочка.

Вскорѣ вышла къ намъ горбатая старушка въ черномъ креповомъ чепцѣ и въ

черномъ платьѣ, чинно и важно отдала намъ поклонъ, коротко спросила мать мою о дѣлѣ и окинула насъ, дѣтей, своимъ проницательнымъ взглядомъ; я не смигивая смотрѣла на блѣдное, выразительное лицо и тусклые глаза, начальницы. Когда мы простились съ маменькой, тогда старушка взяла насъ обѣихъ за руки и повела по лѣстницѣ въ третье жильѣ, мы вошли въ большую свѣтлую комнату съ лавками: пюпитрами и черной доской; классная дама сидѣла, окруженная девочками, но большей части еще не обмундированными одетыми въ свои домашнія платья; дѣти толпились около нея, большая же часть жадно слушала, припавъ предъ нею на колѣни, обычный пріемъ институтокъ, слушающихъ рассказчицу. Классная дама, что то говорила изъ священной исторіи, всѣ дѣти были очень возбуждены, а одна маленькая дѣвочка заливалась слезами.

— О чемъ она? спросила начальница.

Нѣсколько дѣтскихъ голосовъ отвѣчали: — ей жаль Авраама и Лота; они, тамап, теперь уже совсѣмъ расстаются, потому что пастухи ихъ между собою ссорятся?

Начальница улыбнулась своей грустной улыбкой, сказавъ: — видите, дѣти, какъ дурно ссориться! пастухи начали съ пустяковъ, а дѣло кончается тѣмъ, что родные должны разстаться!

— Мамап, намъ всѣмъ ихъ очень жаль! воскликнули дѣвочки въ голосъ.

— Да, жаль, что пастухи были такого дурнаго нрава; сами не уживались, и другимъ жить не давали, промолвила начальница.

— А пастуховъ намъ совсѣмъ не жаль! закричала одна бойкая и уже одетая въ казенное платье дѣвочка, — не правда ли, mesdames, вѣдь намъ не жаль пастуховъ? Однѣ поддакнули, другія молчали. Сдавъ насъ классной дамѣ, мамап ушла, дама и дѣти обратились къ намъ, новенькимъ, съ вопросами: какъ зовутъ? Откуда вы? Вы сестры? Подруга моя молчала, я одна должна была отвѣчать всѣмъ. На послѣдній же вопросъ, я сказала: — мы очень дальняя родня, — я ей пятироюродная тетка. Дѣти открыли глаза и рты. Ma chère, такой родни не бываетъ, кричали однѣ, — и это никакъ не можетъ быть, говорили другія, потому

что тетки всегда большія, а племянницы маленькія, — вы же обѣ маленькія!

Я обратилась было къ своей товаркѣ, но она не вмѣшивалась въ разговоръ, и, стоя возлѣ меня, осматривала комнату. Мнѣ было очень неловко, я дернула ее за руку и просила подтвердить мои слова, что при отѣздѣ нашемъ бабушка высчитала наше родство, сказавъ, что отецъ мой приходится ей четвероюроднымъ дѣдомъ, а я ей пятиюродной теткой. Большая часть дѣтей закричали: — нѣтъ, нѣтъ! Ваша бабушка сказала не правду, такой родни не бываетъ!

Я вспыхнула и чуть не заплакала, но тутъ вмѣшалась классная дама, строго сказавъ дѣтямъ: — какъ можно такъ неуважительно говорить о родителяхъ! Виноватыя смѣшались и нѣсколько отступили, заднія же прихлынули, и, окружа насъ, всячески старались поправить дѣло.

— Это ничего, душечка, говорила одна дѣвочка, обнимая меня, — вы не слушайте ихъ, онѣ противныя!

Другая, цѣлуя меня, объявила, что скоро пойдемъ полдничать; третья

допытывалась, люблю ли я ржаной хлѣбъ съ солью и квасомъ?

Нѣсколько голосовъ громко заявили, что по утрамъ имъ даютъ одинъ день сбитень, другой день молоко, и каждый разъ по ситничку, что молоко лучше сбитня, и что завтра на наше счастье будетъ молоко. Дѣти были очень привѣтливы, даже обѣщали отдать намъ лучшую часть своего кушанья, если мы не наѣдимся своею порцею. Одна же, краснощекая, веснущатая дѣвочка съ толстыми губами, въ полголоса что то говорила моей товаркѣ; вскоѣ около нихъ слышались возгласы: — фи! фи! стыдитесь, та счиге, какая вы жадная! вы всегда нападаете на новенькихъ и поѣдаете ихъ кушанье! Веснущатая дѣвочка отговаривалась, но дѣти роемъ шумѣли вокругъ нея: фи, жадная! Фи, мы васъ презираемъ! Одинъ, другой голосъ поднялся было въ защиту, но ихъ заглушило большинство.

Тутъ я впервые услышала общественное мнѣніе, то, которое безпрекословно заправляло всѣми дѣйствіями институтокъ если, бывало, дѣвицы сообща скажутъ: это подло, этого не дѣлать! то никто и ничто не

въ силахъ измѣнить такого приговора; если же скажутъ: такъ должно! то и это считалось неизмѣннымъ приговоромъ.

И надо сознаться, что дѣти, въ большей части своихъ рѣшеній, были правы. Откуда же бралось все это въ дѣтяхъ разнаго круга, разнаго воспитанія?

Вѣроятно изъ младенческой, еще мало искаженной души: въ нѣкоторыхъ дѣвочкахъ было какое то внутреннее пониманіе должнаго и не должнаго, что то въ родѣ духовнаго чутья, для котораго однако нужны руководители зрѣлые и съ нравственнымъ устоемъ.

На другой день, часовъ въ 8, насъ отвели въ лазаретъ, осмотрѣли привита—ли оспа, дали по приему обычнаго лекарства, и оставили тамъ на весь день.

И здѣсь, въ лазаретѣ, дѣти были съ нами очень ласковы и бесѣдливы. Въ сумерки меня разобрала сильная тоска; сперва я тихонько плакала, сидя на своей кровати, потомъ стала громко, судорожно всхлипывать, бросилась къ окну взглянуть не ѣдетъ—ли маменька, хотя и знала, что сегодня ей нельзя было навѣстить меня; подбѣжавъ къ окну, я только тутъ

вспомнила, что оно до половины закрашено зеленой краской; вскарабкиваясь на подоконникъ, и глядя на вольный свѣтъ, я неутѣшно плакала.

Дѣвочки сбѣжались ко мнѣ, стали уговаривать, беспрестанно повторяя: та счиге, что съ вами?

Но я плакала ничето и никого не слушаю.

Кто-то дернулъ меня за платье и тихонько сказалъ та счиге, пойдите ко мнѣ, я расскажу вамъ про вашу маменьку. Эти слова заставили меня смолкнуть и осмотрѣться: подлѣ меня стояла четырнадцатилѣтняя, очень блѣдная дѣвочка въ бѣломъ лазаретномъ халатѣ, съ блестящими, черными косами; стоя у окна, она тянула меня за платье, приглашая слѣзть, а сама такъ ласково смотрѣла добрыми черными глазками.

Я слѣзла съ окна и пошла за нею; она усадила меня на постель подлѣ себя и, обнявъ, стала рассказывать: — вотъ, душечка, теперь намъ скоро подадутъ чай, потомъ мы, помоляся Богу, ляжемъ спать; а какъ проснемся, напьемся чаю, васъ, новенькихъ, выпустятъ изъ лазарета, а

послѣ обѣда прійдетъ швейцаръ, скажетъ, что ваша маменька пріѣхала, васъ отпустятъ, вы побѣжите къ ней и просидите вмѣстѣ долго, очень долго, вплоть до ужина.

Я утѣшилась этимъ незатѣйливымъ рассказомъ о предстоящемъ свиданіи съ моею матерью.

Между тѣмъ, дѣти, окружающая меня, допытывались чего то, а чего, я не могла понять?

— Да какъ же вы, душечка, не понимаете того, что вы должны обожать ее; видите, какая она добрая! Скажите, вѣдь вы ее обожаете?

— У насъ всегда такъ дѣлается: — маленькія обожаютъ большихъ, и всѣмъ большимъ говорятъ: *mademoiselle*; вы маленькая, а *M-elle Л....* большая, вы и должны обожать ее! Да? вѣдь вы уже обожаете ее? Да? говорите же, *ma chère*! И, не дождавшись отвѣта, хоромъ закричали моею утѣшительницѣ: *M-elle Л....* новенькая васъ обожаетъ!

На другой день, лазаретная горничная, Гатчинская воспитанница, Оеклуша, собравъ въ передникъ записочки и письма

отъ больныхъ къ здоровымъ подругамъ, что запрещалось только во время поварьныхъ болѣзней, повела насъ въ классы, и раздавъ тамъ записочки, получила обратныя.

Вошедъ въ классъ, первый съ парадной лѣстницы, я оглянула его днемъ: то была высокая, просторная, желтая комната съ тремя большими окнами на дворъ и садъ, съ дверью въ слѣдующій за нею классъ. Въ комнатѣ стояли въ три ряда съ половиной желтыя скамьи съ черными партами, по нашему пюпитрами, передъ первой скамьей посередкѣ, — учительскій столикъ съ чернильницею и стуломъ; за нимъ большая черная доска, по далѣе къ окну, столъ и стулъ для классной дамы, въ углу образъ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Дѣти сидѣли по десяти на скамьѣ и писали на аспидныхъ доскахъ цифры подъ диктовку классной дамы; одна же, вызванная къ черной доскѣ усердно выводила мѣломъ плохія буквы; тутъ же у доски, гдѣ придѣланы были подсвѣчники, стояли двѣ дѣвочки за работой, и бойко постукивая коклюшками, плели снурки для будущихъ своихъ корсетовъ. Всѣ были заняты, и насъ посадили за цифры.

Институтское однообразіе лучше всего приучаетъ дѣтей къ общему порядку; кто то давно сказалъ, что, двѣ институтки походятъ на семь Симіоновъ, всѣ въ одинъ голосъ, въ одинъ волосъ.

Мы вставали, молились, пили сбитень или молоко, шли въ классы, обѣдали, играли, опять шли въ классы, полдничали ржанымъ хлѣбомъ съ квасомъ, опять играли, ужинали, молились на общей молитвѣ, и укладывались спать; завтра и послѣ завтра дѣлалось тоже. Это однообразіе казеннаго порядка ввело насъ въ одну общую колею, и жизнь наша пошла тихо и мирно. Прощаясь со мною въ лазаретъ, М-elle Лонгиновичъ дала мнѣ добрый совѣтъ: ничего не рассказывать дѣтямъ про свое домашнее житье, а то, та сшеге, васъ дѣвицы задразнятъ. Совѣтъ ея мнѣ пригодился, но ее самое видала я рѣдко, вскорѣ и она умерла.

Дразнить другъ друга чѣмънибудь домашнимъ, не подходящимъ подъ институтскіе обычаи и понятія, было дурной привычкой.

Бывало, какаянибудь изъ породы льстюшекъ вывѣдаетъ всю подноготную, и

потомъ, поссорясь, начнетъ дразнить; къ ней пристанутъ другія, и пойдетъ потѣха! тутъ ничего не помогало: ни вмѣшательство классныхъ дамъ, ни заступничество подругъ.

Вѣроятно, недостатокъ этотъ былъ всѣмъ довольно сроденъ, потому что дѣти долго не могли отъ него отстать; онъ даже былъ извѣстенъ внѣ институтскихъ стенъ. Николай Васильевичъ Гоголь, отдавая сестеръ своихъ къ намъ, строго запретилъ имъ откровенность объ немъ самомъ и объ домашнихъ.

Вѣдь смѣхъ вспомнить, чѣмъ бывало дразнили! Напримѣръ: уроженка сѣверной губерніи дразнила южанку тѣмъ, что та въ задушевную минуту воспоминанья о своей родинѣ рассказала, какъ она сама трясла грушу и подбирала съ земли плоды. Ори, точно мужичка! Другую девятилѣтнюю дѣвочку дразнили тѣмъ, что она съ братьями ѣздила на палочкѣ верхомъ; мальчишка, мальчишка! кричала ей поссорившаяся съ нею подруга, а та, заслыша свою бранную кличку, заливалась неутѣшными слезами.

И такъ, насъ свозили со всѣхъ концовъ Руси, покидали одинокихъ на чужбинѣ, въ невѣдомомъ намъ большомъ, запертомъ домѣ, гдѣ все было намъ чуждо: стѣны, люди и обычаи!

Но помянутое однообразіе казеннаго порядка скоро пріучало дѣтей къ институтской ж.изни, и каждая отдѣльная личность, какъ капля воды, сливаясь потекла въ одномъ общемъ руслѣ.

Пріемъ начинался тотчасъ послѣ выпуска и длился очень долго; родители не могли строго соблюдать сроковъ по дальности разстоянія. Комитетскимъ, т. е. тѣмъ, которыя приняты были на счетъ Комитета попечительства о раненыхъ, выдавались казенные прогоны и подорожныя.

Комитетскія въ мое время составляли ядро или основу института, а были также и царскія пансіонерки, были и своекоштные, но въ гораздо меньшемъ числѣ.

Когда дѣтей набиралось десятковъ около шести, то дамы, дежурившія у новенькихъ, и достаточно ознакомившіяся съ ихъ познаніями, дѣлили дѣтей на 1-ое, 2-ое и 3-е отдѣленіе; въ первое поступали

тѣ, которыя знали нѣсколько французскій и нѣмецкій языки, слѣдовательно были дѣти болѣе достаточныхъ родителей и преимущественно своекоштные; во второе, выбирали умѣющихъ читать на какомъ нибудь иностранномъ языкѣ, а въ третье, знавшихъ только читать по русски. Раздѣливъ такимъ образомъ дѣтей, раздѣлялись и дамы, по двѣ на каждое отдѣленіе; одна называлось нѣмецкою, другая французскою, хотя въ сущности онѣ были русскія и даже нѣкоторыя изъ нихъ воспитанницы того же Патріотическаго института. Когда отдѣленія были устроены, то каждая дама садилась въ свое, какъ матка въ улей, и съ этой минуты, смотря по умственному и нравственному развитію и направленію каждой, начинались ея многолѣтнія заботы. Приведя свое отдѣленіе въ классы, она обычно говорила дѣтямъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Впрочемъ, я слышала, будто одна дама обратилась къ своему отдѣленію со слѣдующими словами: — я знаю, что отъ васъ мнѣ нечего ждать хорошаго, вы мнѣ чести не принесете! И въ этомъ подобная дама была права, на такой привѣтъ конечно

нельзя было ожидать ни любви, ни почету! Дѣтей выравнивали, ставили по росту, по парно, и пары эти оставались неразлучными, пока котораянибудь не переросла своей дружки, тогда ихъ съизнова выравнивали.

Слѣдовало привести всѣхъ къ одному порядку; насъ одѣли въ казенныя платья, одинаково остригли, выправили, сложили руки по образцу нашего института, и принялись учить ходить. Этотъ внѣшній порядокъ былъ необходимъ, потому что пестрота и разность доходила до безобразія, особенно въ походкѣ: одна, вытянувъ шею впередъ, ступала аршинными шагами; подъ руку съ нею переваливалась сутуловатая дѣвочка, передъ ними семенила третья, безпрестанно сбиваясь съ ноги; одна шла подергиваясь, другая въ ладъ пошевеливала локтями, а третья такъ размахивала ими, что всѣ сторонились отъ нея. — Съ полгода дамы учили насъ ходить и кланяться, то всѣхъ вмѣстѣ, то по одиночкѣ, даже танцклассы у Mlle Шемаевой начинались мѣрной, плавной ходьбой и равными неторопливыми поклонами. — Я помянула, что намъ

положили руки по образцу нашего института; встарь у всѣхъ трехъ заведеній была на это своя особая форма: мы, Патріотки, складывали правую на лѣвую и держали ихъ не ниже пояса; Смолянки клали правую ладонь на лѣвую и опускали руки нѣсколько пониже; Екатерининки держали ихъ по обычаю покойной Государыни, т. е. ниже опуская сплетенныя руки.

Разъ навсегда дѣтямъ раздавали номера, которые иногда замѣняли ихъ прозванія; номеръ мѣтился на бѣльѣ, писался на тетрадяхъ и даже иногда для краткости начальница и класныя дамы насъ выкликали по номерамъ и мы въ свою очередь писали другъ другу: Ангелъ № 153-й или Ангелъ 102-ая. — Дамы требовали, чтобы мы говорили по французски и по нѣмецки, и сами старательно заводили насъ въ разговоры. — Скорѣ весь маленькій классъ заболталъ по французски, но тѣмъ французскимъ языкомъ, которымъ только негры говорятъ во французскихъ колоніяхъ. Вотъ обращикъ: дѣвочка, не твердо знающая урокъ, просить свою сосѣдку подсказать ей, когда она, отвѣчая

учителю, запнется: — Ma chère moi leçon pas savoir vous direz moi chez le maître! Bien отвѣчаетъ подруга. — Большой классъ, помиралъ со смѣху, слушая разговоры эти и насмѣявшись до сыта, большая т. е. двѣца большого класса считала долгомъ поправить маленькую, которая сложа ручки и присѣдая передъ нею, говорила: merci mademoiselle.

Этотъ обычай, какъ и всѣ прочіе, былъ довольно общій, но не безъ изъятій.

Мы проводили время такъ: вставали въ половинѣ седьмаго. Въ семь собирались на молитву, потомъ шли пить чай, въ восемь были въ классахъ, т. е. въ классныхъ комнатахъ, гдѣ проводили почти цѣлый день, за исключеніемъ обѣда въ двѣнадцать, и отдыха до двухъ; въ шесть пили чай, и если не было учителей, то оставались въ залѣ, танцевали, играли или просто болтали, если же ожидали учителя, то опять возвращались въ классы, и нерѣдко слушая лекцію съ нетерпѣніемъ ждали звонка къ ужину. Маленькому классу вообще было посвободнѣе, потому что къ нимъ рѣдко по вечерамъ приходили учителя, и дѣти вдоволь тѣшились въ залѣ.

Маленькимъ не легко было высиживать въ классахъ съ восьми до двѣнадцати, не вставая съ мѣста, и выдерживали это очень немногія, только такъ называемыя тихонькія, прочія украдкою вставали, тянулись, прыгали, даже ползали за лавками на четверенькахъ; снисходительная дама дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, понимая, что нельзя ребенку высидѣть четыре часа сряду; но большая часть выговаривала дѣвочкамъ за это такъ называемое дурное поведеніе. Дурнымъ поведеніемъ считалось у насъ всякое нарушеніе порядка: долго ли спала девочка и не поспѣвала съ другими къ утренней молитвѣ, часто ли говорила украдкою съ по подругами послѣ того какъ класная дама провозгласить:

— Still meinen damen! или Mesdames, silence! Прокрадывалась ли въ чужое отдѣленіе, чтобы сообщить тамъ какую нибудь новость или тайкомъ бѣгала въ лазаретъ навѣстить подругу. — Иныя классныя дамы сами были виноваты въ нарушеніи порядка, запрещая то, что позволяла начальница, хоть бы напр: навѣщать подругъ въ лазаретъ.

Дамы дежурили черезъ день; обязанностью ихъ было все касающееся ребенка, начиная съ опрятности, порядка, до выучки и пониманія урока; отношенія ихъ къ дѣтямъ зависѣли отъ личности каждой. Многихъ дамъ дѣти очень любили, уважали и слушались; одну или двухъ совсѣмъ не любили и дѣлали имъ возможныя непріятности; нѣкоторыя составляли середину и были ни то, ни сѣ; онѣ не отличались ни особой добротою, ни развитостью ума, съ ними дѣти равнодушничали; если же и въ этихъ посредственостяхъ оказывалась склонность къ справедливости, то и ихъ уважали. — Класнымъ дамамъ предоставлено было право наказывать дѣтей: ставить въ уголъ, не давать за обѣдомъ третьяго кушанья и оставлять безъ ужина, но о каждой наказанной обязаны были докладывать начальницѣ. — Всегда ли это дѣлалось? не знаю; но мы замѣчали, что чаще насъ оставляли безъ ужина, чѣмъ безъ обѣда, вѣроятно потому, что начальница не ужинала, а только изо дня въ день обѣдала съ нами. — Класныя дамы считались законными опекунами всего

отдѣленія и не давали его въ обиду чужой дамѣ: на это была мастерица горячая и гордая M—elle Л...., сестра извѣстнаго храбраго генерала Л....; она бывало хоть кого отбрѣть, но такъ тонко, такъ вѣжливо, какъ только могла сдѣлать это особа ея образованія. — Ея уваженіе и вѣжливость съ начальницею, вѣжливость съ дамами и учителями была образцовою. — Дѣти не смотря на вспыльчивость, очень уважали ее.

Наше же обращеніе съ учителями и дамами было чинно и вѣжливо, это велось съ поконъ вѣка, иное обращеніе считалось собственнымъ униженіемъ. Если бывало у кого и прорвется грубое слово или движеніе, то оно было признакомъ глубокаго гнѣва или досады, и вотъ тому примѣръ: одна классная дама, чепорная нѣмка, натаціями своими систематически выводила дѣтей изъ терпѣнія; вызоветъ изъ за лавки дѣвочку, поставитъ передъ собой и начнетъ! Читаетъ читаетъ, вся раскраснѣется и лицо, и шея, и затылокъ, даже жилы напрыжата: покажется ей, что дѣвочка не пронята еще, она начнетъ ее подергивать, выправлять, поворачивать,

прикажетъ глядѣть себѣ въ глаза и опять примется причитать свои поученія, да такъ громко, что изъ сосѣднихъ классовъ начнутъ потихоньку отворяться двери и въ нихъ украдкою станутъ показываться нѣсколько любопытныхъ дѣтскихъ головъ. Однажды провинившаяся не вынесла этой пытки и отвернулась отъ расходившейся дамы, за что послѣдовало наказаніе въ уголъ и лишеніе обѣда. Когда подруги, жалѣя провинившуюся стали однако выговаривать ей грубость ея, то она со слезами закричала: душечки, mesdames! право я никакъ не могла смотрѣть ей въ лицо, такая она, противная!

Въ сущности, дама эта не была зла; но была тѣмъ, что на институтскомъ языкѣ зовутъ приставалкой, изъ за пустяковъ, изъ за плохо воткнутой булабочки заведетъ она свою пѣсню и поетъ ее все громче и громче; да къ тому же, все на самомъ забористомъ нѣмецкомъ языкѣ! Нервные дѣвочки, чуть не всѣмъ классомъ, расплачутся отъ визгливо шипящаго голоса ея, смыслъ же самого поученія былъ вовсе не трогателенъ и даже не обиденъ. Сосѣднее отдѣленіе, желая отвлечь грозу отъ товаровъ своихъ,

сидить, и съ напряженнымъ вниманіемъ ждеть минуты, когда ихъ классная дама выйдетъ, тогда одна изъ нихъ вскочить и съ шумомъ растворить дверь къ сосѣдкамъ; расходившаяся дама перенесетъ пальбу къ нимъ. — Кто отворилъ дверь? спросить она по нѣмецки. Чтобы подразнить ее, дѣти коротко отвѣтятъ: *selbst!* т. е. дверь отворилась сама собою.

Не терпя короткихъ отвѣтовъ, и не замѣчая по близорукости своей, что дѣти мстятъ ей за воспитанницъ ея, примется она, бывало, складывать намъ отвѣтъ нашъ по всѣмъ правиламъ нѣмецкаго языка и закончить его глаголомъ. Разумѣется, никто и не думаетъ повторить заданнаго: напротивъ того, всѣ вдругъ становятся чрезвычайно прилежными, закрывъ глаза и тихонько покачиваясь, начинаютъ шепотомъ учить уроки. Вдругъ, какая нибудь шалунья, будто про себя, скажетъ: — *мапан* идетъ!

Тогда развоевавшаяся дама, ради порядка, уходитъ въ свой классъ и скромно садится за чулокъ.

Мспан была полновластной начальницей; но нѣкоторыя классныя дамы,

вдовы убитыхъ генераловъ, ожидавшія ваканцій на мѣста директрисъ, не безусловно подчинялись ей; онѣ нерѣдко возражали, или какъ бы ненарокомъ уклонялись нѣсколько отъ ея приказаній. По чувству ли справедливости или потому, что начальница была къ намъ снисходительнѣе дамъ, мы между собой стояли за нее и радовались, когда она тихо и спокойно, но все—таки заставляла исполнить свою волю.

Мы радовались, и тому, что ГОСУДАРЫНЯ, не взирая ни на какіе чины и ордена благоволила ко всѣмъ равно, съ начальницею же была особенно милостива, и говоря съ нами, звала ее «la bonne maman.»

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ

(Продолженіе).

ОБЩІЙ ДУХЪ ПАТРІОТИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

Кромѣ благоговѣнія къ
ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИЗАВЕТѢ
АЛЕКСѢЕВНѢ, любви и довѣренности
къ царствующему ИМПЕРАТОРУ и

ИМПЕРАТРИЦЪ, въ Патріотическомъ Институтѣ сильно господствовало патріотическое чувство; было ли оно врожденно или привито съ дѣтства? — мудро рѣшить; но такъ, какъ большинство воспитанницъ были дочери раненныхъ воиновъ отечественной войны, то и понятно, что онѣ охотно слушали о 12-мъ годѣ, и каждая сообщала къ чужимъ рассказамъ что либо слышанное ею въ домѣ: — У отца моего, говорила одна, — оторвана рука подъ Тарутинымъ, а дядя убить подъ Бородинымъ.

— А моего отца, говорила другая, — нашли замертво изрубленного на Бородинскомъ полѣ, а двоихъ дядей и слѣдовъ не нашли.

— Mesdames! а я то какая была дура! разъ, въ сестрины именины; когда отецъ поднималъ заздравный бокалъ и говорилъ: первый бокалъ въ память славной Бородинской битвы и павшихъ товарищей! то я все думала, что кромѣ сестры моей была другая, старшая, незнакомая намъ именинница, которую звали Бородинской битвой, и думала такъ, доколѣ отецъ не растолковалъ мнѣ этого. Имена героевъ

предводителей, имена партизановъ и анекдоты объ нихъ, быть можетъ преувеличенные дѣтскимъ воображеніемъ, знали всѣ наизусть.

Мы обожали свое комитетское начальство, и при словѣ: комитетскія впередъ! мы съ гордой радостью окружали посѣтившихъ насъ генераловъ Сукина и Храповицкаго, видя въ нихъ законныхъ своихъ начальниковъ.

Они насъ ласкали, называя себя товарищами нашихъ храбрыхъ отцовъ, что еще болѣе укрѣпляло насъ въ почитаніи воинской дѣятельности и въ любви къ отечеству, которымъ мы гордились выше всего; но мы также гордились и своимъ институтомъ и дорогимъ именемъ Патріотокъ...

Разскажу одинъ для насъ замѣчательный случай: разнеслась молва, что при нѣкоторыхъ, предполагаемыхъ въ институтѣ перемѣнахъ, хотять назвать его Инвалиднымъ; эта молва свела насъ съ ума: поднялась тревога, плачь, шумъ, волненіе! ни уговоры, ни увѣщеванія дамъ не помогали! большой и маленькій классы, собираясь въ свободное время кучками,

плакали, поминали покойную ИМПЕРАТРИЦУ ЕЛИСАВЕТУ, тайкомъ забѣгали въ желтую залу, гдѣ стоялъ ея бюстъ, и съ плачемъ причитали, чтобъ она вступилась за насъ. Говорили, будто мама узнала объ этомъ и сказала, что поѣдетъ къ ГОСУДАРЫНѢ, и повергнетъ къ стопамъ ея наше горе.

Было ли это или не было? не знаю; сама лично отъ начальницы не слыхала, — но слезы и ропотъ сменились напряженнымъ ожиданіемъ.

Съ трепетомъ ждали мы возвращенія начальницы. Она вошла къ намъ веселая, и объявила волю ГОСУДАРЫНИ, оставить имя наше неприкосновеннымъ. Нечего и говорить объ нашей радости, столь быстро смѣнившей горѣ.

— Теперь опять все будетъ по старому! говорили мы, — и Смолянки не станутъ насмѣхаться надъ нами; не станутъ звать насъ инвалидками. Имя Смолянокъ, какъ старшихъ изо всѣхъ заведеній, считалось у насъ почетнымъ.

Екатериненскихъ, ГОСУДАРЬ звалъ образцовымъ полкомъ, а насъ — своими Патріотками, и мы не считали себя въ

обидѣ. Утвердивъ за собою любимое имя, мы всѣми силами, по совѣту татап и дамъ, начали стараться съ честью носить его. Учителя замѣтили необычайное прилежаніе, которое впрочемъ пришло очень кстати, потому что намъ убавили годъ изъ положеннаго шестилѣтняго срока, а убавили его потому, что нужно было скорѣе помѣстить сиротъ, оставшихся послѣ польской войны.

Разскажу еще случай: разнеслась смутная молва, что дочь декабриста Рылѣева поступаетъ къ намъ; — никто не хотѣлъ этому вѣрить...

Однажды, вошла въ классъ начальница, чинная и нѣсколько болѣе обыкновеннаго грустная; она держала за руку маленькую, бледно-желтую дѣвочку, которая робко озиралась большими, черными, выпуклыми глазами; цвѣтъ кожи и всѣ движенія ея были болѣзненны. — Вотъ, дѣти, это сиротка Рылѣева; ГОСУДАРЮ угодно было опредѣлить ее къ намъ, будьте къ ней привѣтливы, сказала татап.

При входѣ начальницы, дѣти поднялись съ мѣсть своихъ; при словахъ же ея, краска негодованія вспыхнула на лицахъ,

но дѣти удержались отъ шума и слезъ, молча сѣли на мѣста и опустили глаза въ тетради.

Начальница подвела Настиньку Рылѣеву къ первой скамьѣ; велѣла подвинуться, и посадила ее первою съ начала лавки. Матан ушла, классная дама ожидала взрыва, но дѣвочки сидели молча, изрѣдко мѣняясь другъ съ дружкой взглядомъ или тихимъ словомъ. Прозвонилъ колокольчикъ къ обѣду, дѣти начали становиться по парамъ, но первая лавка не трогалась съ мѣста, потому что никто не хотѣлъ заговорить съ новенькой, и сказать, чтобъ она вышла изъ за лавки и пропустила ихъ идти къ обѣду. Увидя это, классная дама взяла новенькую, поставила ее парюю съ односторонкой ея; замѣтя же однако, что та не подавала руки своей, классная дама поставила сама ихъ рука подъ руку, и пошла впередъ, ведя все отдѣленіе.

— Несчастливая! слышалось сзади, въ видѣ участія къ той, которую заставили подать руку Настинькѣ. Проходя столовую, мы слышали ото всюду глухіе возгласы: — несчастныя, mesdames! И дѣйствительно,

мы считали себя такими: — къ намъ, патріоткамъ, отдали дочь бунтовщика!

Не позорная смерть Рылѣева, но дѣло его клало непроходимую преграду между нами и его дочерью. — Мы обижать ее не станемъ; она не услышитъ отъ насъ попрека или обиднаго слова, рѣшили дѣвицы, — но пусть ее возьмутъ назадъ!

На другой день, по обычаю, новенькую увели въ лазаретъ, гдѣ она оставлена была долѣе положеннаго срока, потомъ пришла въ классы, и намѣреніе дѣвицъ на ея счетъ не измѣнилось.

Улучивъ свободное время, когда Настиньки не было, М-elle М. принялась уговаривать насъ и дивиться нашему жестокосердію. — Да ея отецъ покушался на жизнь ГОСУДАРЯ! закричали мы въ негодованіи.

— Ея отца судили, и законъ присудилъ его къ смерти: — теперь же Рылѣевъ передъ Богомъ, Который простилъ кающагося разбойника!

М-elle М. волновалась: лицо ея горѣло, въ голосъ и на глазахъ дрожали слезы. — Царь милосердъ, онъ простилъ, принялъ сироту на свое попеченье, ввѣрилъ ее

намъ; — а вы что дѣлаете? грѣхъ и стыдъ! Вы обижаете ребенка—сироту ни въ чемъ не виноватую!

Еще много говорила она, многое вызвала, осмыслила и развила въ насъ; послѣ этой бесѣды, Настинька вошла въ общую колею, ее полюбили не изъ одной жалости, но изъ за личныхъ ея достоинствъ: добра была, замѣчательно добра, тиха и услужлива.

Честь института была нашимъ общимъ сокровищемъ и сильнымъ двигателемъ въ рукахъ классныхъ дамъ. Много излишнихъ нападковъ и выговоровъ мы переносили во имя института; онъ былъ нашей второй отчизной, и горе учителю, дамѣ, или воспитанницѣ, которая сказала бы хулу на цѣлый институтъ, — въ частности же осуждать дозволялось. Тоже уваженіе переходило на классы и на отдѣленія; дѣти могли другъ съ другомъ ссориться и мириться, — это не касалось подругъ, развѣ только въ случаѣ черезъ чуръ сильнаго притѣсненія, тогда являлась человѣческая помощь; но если въ частной ссорѣ, хотя однимъ неосторожнымъ словомъ задѣвалось отдѣленіе, тогда оно ополчалось

все, рѣшало, какъ на вѣчѣ, что дѣлать и какъ стоять за себя. Обыкновенно посылали въ провинившееся отдѣленіе спросить, — всѣ ли такъ думаютъ, какъ N. N. или нѣтъ?

Если посланцы были горячи, или провинившееся отдѣленіе входило въ задоръ и вдругъ единогласно признавало истину сказаннаго №№, тогда посланцы громко объявляли разрывъ, такимъ образомъ: — если вы дѣйствительно такого мнѣнія, то намъ это очень обидно; и съ такими, какъ вы, несправедливыми и злыми, не хотимъ имѣть ничего общаго, и не будемъ говорить съ вами цѣлый мѣсяць! — Только-то? спрашиваютъ насмѣшницы.

— Если вамъ этого мало, — такъ два! отвѣчаютъ выборныя, и съ достоинствомъ удаляются.

Съ этой минуты, весь институтъ, узнаетъ о ссорѣ и внимательно слѣдитъ за нею. Ссора эта начинается невозмутимымъ молчаніемъ двухъ отдѣленій: никто изъ ссорящихся не смѣетъ другъ другу отвѣтить на самый простой вопросъ, хотя бы отвѣтъ этотъ могъ спасти когонибудь отъ

наказанія. Отвѣчать нельзя — все отдѣленіе дало слово молчать, — и молчишь бывало скрѣпя сердце. При встрѣчахъ, отдѣленія насмѣшливо посматриваютъ другъ на друга, и изрѣдка отпускаютъ вежливыя колкости. Въжливость была во всемъ первомъ условіемъ. Къ концу мѣсяца, виноватыя, начиная скучать наказаньемъ, смягчались и старались заговаривать — имъ не отвѣчали. По истеченіи перваго мѣсяца, являлись отъ виноватыхъ выбранныя и, прося прощенія, напоминали объ истеченіи срока; имъ сухо отвѣчали: — вы сами прибавили другой мѣсяць; идите, mesdames, намъ некогда разговаривать съ вами! Въ первое свободное время, по большей части въ спальняхъ, всѣ виноватыя, въ сборѣ, приходили извиняться, и тогда, смотря по впечатлѣнію, бросались ли обиженные другъ къ другу на шею, или отворачивались.

Вслѣдъ за мировою, начиналось самое сердечное, дружеское обращеніе. Даже затѣвался пиръ, посылали въ лавочку за крымскими яблоками, сливками, сельдями, толокномъ, кислыми щами и пр. доступными карману вещами. Мы были

страстные охотницы до толочна, носили его въ сверточкахъ въ карманѣ, ѣли горстями и угощали подругъ. По случаю толочна, мнѣ припомнился одинъ бѣдовый случай: дѣло было въ классѣ рисованья почтеннаго нашего академика Яковлева, — классъ тихій и безмятежный; хорошія рисовальщицы занимались усердно, плохія же ѣли кусокъ булки, которыя раздавались для стиранья карандаша, или рисовали рожи, узоры; иныя искали квадратуру круга. Самыя отличныя стояли за мольбертами впереди лавокъ и рисовали красками; между ними, у одной оказался сверточекъ толочна, который и пошелъ по рукамъ. Вдругъ входитъ тамап и по обычаю, пошла прямо къ мольбертамъ; а у живописецъ рты начинены, сердца бьются и щеки пылаютъ; — вотъ, вотъ заговорить! а отвѣчать нельзя, пахнетъ толочномъ! Что свѣчей, что молебновъ наобѣщали! на счастье, явилась кудрявая голова вѣчно улыбающагося профессора, начальница обратилась къ нему, а дѣвицы, крестясь, справились кое-какъ съ бѣдой.

Дѣвицы считали обязанностью вступаться за честь тѣхъ классныхъ дамъ,

которыхъ уважали. Съ горничными были не только ласковы, но даже искательны, потому что въ ихъ волѣ было исполнить то или другое, порученіе; купить сухарей, толокна или селедку. Въ былое время, даже смѣялись надъ выпущенными институтками, что онѣ обращались за столомъ къ лакею со словами: — потрудитесь дать мнѣ квасу.

Всѣ дѣти были набожны; ханжей не существовало, но набожность была такъ сказать доморощенная, составившаяся изъ домашнихъ преданій, вліянія нѣкоторыхъ дамъ, преимущественно же нашей доброй лазаретной дамы К. И. Р.

Обожанія.

Обожанія наши никогда и никѣмъ не считались предосудительными; для нихъ велись даже свои уложенія: главнѣйшимъ было то, что старшая не должна обожать меньшую. Иногда обожанія устраивались втайнѣ и отъ обожаемой и отъ дѣвицъ. Разъ, одной дѣвчкѣ прислали вишень; отложивъ по двѣ горсти себѣ и двумъ подругамъ — дѣлежкамъ, (такъ иногда звали тѣхъ, которыя по добровольному соглашенію дѣлились гостинцами) дѣвочка стала потчивать дѣтей своего отдѣленія.

Дѣло было въ саду; между дѣтьми ея отдѣленія замѣшались двѣ чужія, недавно привезенныя изъ Малороссіи; хохлушечки такъ тоскливо смотрѣли на вишни, что счастливая хозяйка дала имъ по большой горсти ягодъ.

Чрезъ мѣсяцъ, разнеслась молва: Ш... обожаютъ N. Какъ, что, почему? маленькія обожаютъ маленькую же! Какъ это можно? Обожать изъ маленькаго класса считалось предосудительнымъ и унижительнымъ, и какъ узнали объ этомъ?

Старшая Ш: потѣряла ладонку и просила всѣхъ, кто найдетъ ее — отдать, потому что тамъ была защита ея тайна.

Ладонка нашлась, а съ нею разнеслась молва, что въ ней защита бумажка, на которой въ вѣночкѣ написаны слова: ангель N.

Такъ какъ тайна была разглашена, то вскорѣ открылась и причина обожанія: то была неожиданная ласка и участіе въ видѣ горсти вишень. Это обожаніе выходило изъ ряду вонъ, потому что девочка маленькаго класса обожала маленькую же, тогда какъ по институтскимъ законамъ полагалось, только меньшимъ обожать старшихъ. По

какой то психологической причинѣ — обожаніе это прошло неосмѣяннымъ.

Иногда, восторгъ обожанія охватывалъ цѣлый классъ, вслѣдствіе какого нибудь благороднаго поступка той или другой дѣвицы старшаго класса, той или другой классной дамы, котораго нибудь учителя, обожаніе длилось болѣе или менѣе, потомъ постепенно потухало или же оканчивалось слѣдующимъ образомъ: дѣвочка, соскучившись обожать т. е. кричать ангелъ, цѣловать плечо, чинить перья, шить тетрадки, что было признакомъ обожанія воспитанницъ; — обожаемымъ же дамамъ кромѣ громкихъ заявленій, дѣлались разныя мелкія послуги: подготовка записной тетрадки, передвиженіе стула отъ стѣны къ черной доскѣ, по мѣрѣ надобности, и нѣчто въ родѣ студенческаго вивать; а именно: вечеромъ послѣ общей молитвы, въ которой участвуютъ всѣ три отдѣленія большаго или маленькаго класса, и послѣ общаго тихаго поклона, всѣмъ тремъ класснымъ дамамъ, обожающее отдѣленіе, съ громкимъ возгласомъ кричить: *adieu! bonne nuit M—elle M..!* низко кланялось избранницѣ и весело

разбѣгалось къ своимъ кроватямъ. Нельзя сказать, чтобы дамы были равнодушны къ такому заявленію.

Обожаніе учителей было еще скромнѣе; развѣ изрѣдка какая нибудь смѣлая закричитъ; ангель! а то, обожаніе ограничивалось чинкою пера, красиво написаннымъ и раздушеннымъ вызывнымъ листомъ, на которомъ стояли имена дѣтей того отдѣленія. Если же кому нибудь наскучало долго обожать одно и тоже лицо, то та выходила на средину и просила дѣвицъ позволить ей разобожать! Но такъ какъ примѣръ заразителенъ, то вслѣдъ за нею поднимались еще и еще голоса; случалось такъ, что обожательницы оставались на перечетѣ, тогда заявлялось во всеуслышаніе, что общее обожаніе кончено. Обожаніе законоучителей считалось обязательнымъ. Маленькій классъ долженъ былъ обожать своего священника, а большой своего; переходя въ большой, маленькой классъ иногда съ слезами прощался съ батюшкой, но уже сознавалъ обязанность обожать старшаго священника. Появлялись новые списки

обожанія: батюшка Полянскій сходилъ съ мѣста, его замѣнялъ Мысловскій.

Обожать инспектора нашего П. А. Плетнева считалось почетнымъ; прочія обожанія устраивались по вдохновенію личному.

Чувство любви и уваженія къ родителямъ и къ дому было очень развито; мы охотно жили памятью сердца. Въ самыя задушевные, дружескія минуты, дѣти усаживаясь въ кружокъ, заговаривали о домѣ; это преимущественно дѣлалось у подросточковъ въ большомъ классѣ, когда нравственные силы начинали крѣпнуть и въ насъ явилось уваженіе ко всему тому, что дорого другимъ; въ маленькомъ же классѣ откровенничали съ оглядкой, изъ страха, чтобы не задразнили.

Родители и семья были у насъ такою святыней, къ которой стремились всѣ лучшіе помыслы наши. — Mesdames! меня ожидаетъ великое несчастіе въ жизни! тоскливо говорила краса института, поэтическая Сашенька К., и послѣ долгихъ просьбъ она повѣряла намъ въ слезахъ, что мать ея католичка, что у нихъ не можетъ быть такихъ задушевныхъ разговоровъ,

какъ у насъ, что даже говѣть и пріобщаться будутъ по рознь; да, быть можетъ такое же разъѣдиненіе ожидаетъ насъ и по смерти! — Ахъ, нѣтъ, душка, нѣтъ, мы спросимъ батюшку; ты увидишь, что всѣ добрыя будутъ вмѣстѣ! утѣшали ее дѣвицы. Успокоилъ ли ее батюшка, не знаю, но знаю то, что мать ея или ксендзъ, отвѣчали жестоко ей — православной. Замѣчу михоходомъ, что институтскаго ксендза мы не видали иначе, какъ въ сопровожденіи унтера, и терпѣть не могли его за противный лисій взглядъ, даже охотно подняли бы на смѣхъ, если бы не боялись обидѣть полекъ. Это же опасеніе удерживало насъ въ границахъ въ отношеніи къ дѣвочкамъ, у которыхъ мы по младенческому чутью своему забраковали матерей, назвавъ ихъ не хорошими, и забраковали прежде, чѣмъ начальство обратило на нихъ особое вниманіе. Какъ назвать это внутреннее пониманіе добра и зла, это нравственное чутье? Чѣмъ руководствовались дѣти, отвращаясь такимъ образомъ отъ нѣкоторыхъ посѣтительницъ, ничего не зная, не слыша и даже не понимая?

Сравнивая Очерки прошлаго Г-жи Бѣльской съ нашимъ институтомъ, скажу, что у насъ раздѣленій на дритоку и тому подобнаго не было, а были старшій и меньшей классы, меньшей долженъ былъ обожать старшій, а если не обожать, то уважать.

Предковъ и потомковъ, не было, какъ не было ни *princidale*, ни временщицъ. У классныхъ дамъ были любимицы, но на иныхъ положеніяхъ; онѣ не выдѣлялись изъ общей среды, а составляли одно цѣлое со всѣмъ классомъ; ихъ любили и уважали, какъ и прочихъ подругъ, все зависѣло отъ личнаго достоинства дѣвочки и классной дамы.

Лъстюшекъ, по Бѣльской, — подлизушекъ, было довольно. Ханженство въ смыслѣ притворной набожности, было у насъ не мыслимо, и потому, слова этого не было на институтскомъ языкѣ; ханжу же, въ смыслѣ притворнаго уваженія или притворной дружбы, мы звали общимъ именемъ лъстюшки.

Въ то время, о которомъ я говорю, злыхъ языковъ не боялись, да ихъ и не было. Красота же была добавочною силою

внутренняго достоинства, а безъ этого достоинства красотою даже попрекали, таковъ былъ духъ заведенія временъ Елисаветы, и такимъ я его знала до 1834 года.

У насъ сила считалась въ правдѣ, ее добивалась отъ насъ начальница, ее отличала она въ дѣтяхъ прежде всего, даже прежде хорошаго ученія.

Чувствуя всю важность и силу правды, робкая дѣвочка, пойманная въ чемъ нибудь недолжномъ, поднимала голову и, глядя въ тусклые и строгіе глаза начальницы, говорила всю правду безъ утайки. Начальница осуждала вину, но ради правдиваго сознанія, никогда не наказывала. У насъ установилось понятіе, что невозможно лгать, глядя прямо въ глаза, и обояніе это было такъ сильно, что льстюшки не выдерживали пытливаго взгляда подругъ, тотчасъ начинали смигивать и опускать глаза. Все что считали хорошимъ, справедливымъ и должнымъ, то называли мы благороднымъ, все же противное хорошему звали: низкимъ и подлымъ.

Одинъ изъ величайшихъ нашихъ недостатковъ было тщеславіе и самолюбіе, которое неумышлено возбуждали въ насъ классныя дамы, вѣчнымъ подстреканіемъ: что скажутъ объ васъ въ свѣтѣ?

Пять лѣтъ послѣ выпуска, навѣстивъ бѣдную мою помѣшанную подругу, она первое что сказала мнѣ: — что говорятъ въ свѣтѣ объ нашемъ институтѣ? Счастье еще было то, что самолюбіе и тщеславіе болѣе относились къ самому институту или ко всему составу его, а не къ одиночнымъ личностямъ нашимъ; какъ одиночки, мы даже были робки, однако хорошо подготовленная почва очень скоро могла поддаться злу. Все жеманство, такъ называемое жантильничанье, притворное наивничанье, все это легко развивалось въ институткахъ въ первые годы послѣ выпуска, потому что этимъ забавлялись окружающіе.

Причудливость не была общимъ недостаткомъ, а только слѣдствіемъ послабленія; напр: дѣвочки, замѣтивъ съ ужасомъ ползущаго таракана, съ крикомъ прыгаютъ на лавки, другія, махая передниками, гонять его изъ класса,

отворяя ему дверь въ сосѣднее отдѣленіе а оттуда вдругъ высакиваетъ храбрая, узнавъ въ чемъ дѣло, хватаетъ таракана и выкидываетъ его за окно; храбрыя хохочутъ, а брезгливыя, съ фиканьемъ и ужасомъ затворяютъ свою дверь.

Тоже было и съ брезгливостью въ пищѣ: причудницы сговорятся не ѣсть такого-то кушанья, и не берутъ его, сами же насмѣшливо посматриваютъ на тѣхъ подругъ; которыя, не участвуя въ безсмысленномъ заговорѣ, кушаютъ ничѣмъ не стѣсняясь; болѣе робкія пристають къ брезгливымъ, и блюда сносятъ чуть не до половины цѣлыми! Случалось, что начальница, замѣтивъ, что съ такого-то стола сносятъ нетронутыя порціи, пойдетъ, посмотритъ, попробуетъ и скажетъ — вы все шалите, кушанье такъ хорошо, что отъ души желаю вамъ имѣть во всю жизнь вашу такой обѣдъ! Этимъ словомъ она затрогивала одну изъ нашихъ самыхъ чувствительныхъ струнъ: попрекнуть бѣдностью кого-бы то ни было считалось подлостью, только тамап да М-lle М. это проходило даромъ; первой, потому что дѣти знали ея участіе къ

бѣднымъ, и всегдашнее желаніе помочь имъ, вторая же, усовѣщивая насъ, по тонкому чувству своему, становилась съ нами на одну доску, говоря: — меня вы можете слушать не обижаясь, потому что я бѣднѣе самой бѣдной изъ васъ.

И дѣйствительно, послѣ такого введенія, она могла говорить, что хотѣла, — дѣвицы, не обижаясь слушали ее.

Впрочемъ, случался и у насъ плохой обѣдъ, что бывало въ болѣзнь или въ отсутствіе начальницы. Какъ теперь помню, тамап уѣхала на недѣлю къ дочери въ Финляндію.

У насъ стала чаще являться ненавистная размазня, а за обѣдомъ, гадкій шпинать съ ломтиками пересоленной копченой, сухой колбасы; дѣти, попробовавъ не стали ѣсть. Черезъ день — опять тоже, еще черезъ день — опять шпинать съ сухой колбасой. Не стало у дѣтей терпѣнія, спрятали порцію и, подкарауливъ эконома, вѣжливо, но настоятельно заставили его все до чиста съѣсть, и потомъ спросили: — хорошо ли?

Давясь и глотая, онъ молча поклонился и спѣшно вышелъ изъ столовой; дѣвицы съ

шумомъ провожали его, классныя дамы не могли остановить расходившихся дѣвочекъ.

На счастье, въ тотъ же день пріѣхала начальница, и на другой день поѣхала во дворецъ; — мы ничего объ этомъ не знали. Сидимъ разъ за обѣдомъ, подають шпинать съ колбасой, которая на этотъ разъ была краснѣе и не такъ суха; смѣкнувъ, что при начальницѣ она будетъ лучше, разумныя изъ насъ принялись ѣсть, вдругъ мимо оконъ быстро промелькнулъ въ коляскѣ бѣлый султанъ, и черезъ двѣ минуты, Государь вошелъ въ столовую.

Маленькій классъ радостно запрыгалъ, большой старался удержаться, но радость горѣла на щекахъ, губахъ и глазахъ.

Оглушительное: — здравствуйте ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО! раздалось по всей столовой.

— Хорошо! вы кричите громче своихъ соседей моряковъ, весело сказалъ ГОСУДАРЬ, потомъ, перемѣня голосъ, строго спросилъ: — вы у меня бунтовать хотите, шпинату не ѣдите! эконому фалды оборвали!

Дѣти перепугались и всѣ закричали:

— Ахъ, нѣтъ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! мы его не трогали! мы только попросили попробовать колбасу со шпинатомъ! ГОСУДАРЬ улыбнулся, подошелъ къ блюду, попробовалъ колбасу и сказалъ начальницѣ: лѣтомъ этого ѣсть нельзя, прикажите давать шпинать по моложе, и вмѣсто колбасы, котлеты.

Походивъ еще около столовъ, пошутя съ дѣвицами, ГОСУДАРЬ простился съ нами, говоря: — поѣду, успокою Мать вашу, что бунтъ усмирень!

— Мы не бунтовали, ГОСУДАРЬ! мы не думали бунтовать! кричали дѣти въ слѣдъ за ГОСУДАРЕМЪ. Съ ИМПЕРАТОРОМЪ мы были смѣлѣе, чѣмъ съ ИМПЕРАТРИЦЕЮ; Его мы окружали, смѣло на все отвѣчали. Онъ шутилъ, смѣялся, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ того, какъ дѣти щипали на память Его бѣлый султанъ. Когда же пріѣзжала ГОСУДАРЫНЯ, то мы обязаны были стоять рядами; пока ОНА, войдя въ средину, не смѣшаетъ нашего порядка; тогда—то всѣ отдѣленія безъ разбора нахлынуть и окружать ЦАРИЦУ. ОНА смѣется, шутитъ, спрашиваетъ тихонько про

наши вины, про неудовольствія, и не наказываютъ—ли маленькихъ розгами? Намъ не рѣдко случалось видать ГОСУДАРЫНЮ смѣющуюся; но лицо Ея оставалось спокойно, величаво и нѣсколько строго, а голова, нѣсколько дрожала: старожилки, т. е. старыя воспитанницы, говорили, что этого до 14 декабря 1825 года не было.

Какъ теперь смотрю, сидимъ мы за обѣдомъ, вдругъ отворяется дверь и входитъ ГОСУДАРЫНЯ. — Здравствуйте дѣти! мнѣ очень хотѣлось видѣть васъ; насилу отпросилась у своихъ врачей! Мэри и Ольга вамъ также кланяются, сказала Она, по обычаю своему, по французски.

Мы шумно поблагодарили Ее, но съ удивленіемъ смотрѣли на бодрую, здоровую ЦАРИЦУ, въ бѣлой, воздушной шляпкѣ съ страусовымъ перомъ, въ широкомъ розовомъ гинъ—ганъ (холстинковымъ) капотѣ, черномъ бархатномъ кушакѣ, схваченнымъ большою пряжкой съ разноцвѣтными камнями. — Почему же, думали мы — доктора не пускали ее къ намъ?

Проходя нашъ столъ, ГОСУДАРЫНЯ спросила начальницу объ нашей классной дамѣ, M—elle M..., отчего эта молодая дѣвушка всегда такъ грустна?

— У нея много горя, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО; семья ея бѣдна, мать свою она помѣстила на вдовью половину и платитъ за нее болѣе половины своего жалованья.

Государыня вдругъ повернулась назадъ, подошла къ M..., сказала ей, что, желая раздѣлить ея заботы, принимаетъ мать ея въ свои пансіонерки.

M. A., вспыхнувъ отъ радости, цѣловала руку ГОСУДАРЫНИ, а мы, прыгая, заявляли свою шумную радость; — маленькому классу позволялось такъ радоваться.

Чрезъ нѣсколько дней, статсъ—секретарь Лонгиновъ привезъ намъ Царскій поклонъ и объявленіе о рожденіи В. К. Николая Николаевича. Мы слышали, какъ радовалась начальница тому, что ГОСУДАРЫНѢ не повредилъ Ея выѣздъ къ намъ.

Посѣщая насъ, ГОСУДАРЫНЯ заходила и въ лазаретъ, но кажется, тамъ

Она бывала только вмѣстѣ съ ГОСУДАРЕМЪ. Ихъ встрѣчала наша добрая лазаретная дама К. Ив. Р, неврѣстка контръ-адмирала Рыб., встрѣчала ихъ низкимъ пояснымъ поклономъ, приговаривая: — Матушка ЦАРИЦА, батюшка ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

— Здравствуйте К. Ив., каково поживаете? спрашивалъ ГОСУДАРЬ, знавшій ее по имени. ГОСУДАРЬ съ ГОСУДАРЫНЕЙ обходили кривати больныхъ, а старушка шла въ перевалку за ними, обдергивая непривычную одежду, большой платокъ, и поправляя только что надѣтый нарядный тюлевой чепецъ; мундира же, синяго платья, она, по случаю Царскаго прїѣзда, никогда не поспѣвала надѣть, его мы видали на ней только въ святъ день до обѣда.

ГОСУДАРЬ всегда шутилъ съ дѣтьми: говорилъ, что онѣ всѣ здоровы, а спрятались въ лазаретъ, чтобы не отвѣчать уроковъ; щупалъ пульсъ, требовалъ показать языкъ, на что дѣвочки никакъ не соглашались; въ случаѣ же настойчивости ГОСУДАРЯ, обращали умоляющіе взгляды

на ГОСУДАРЫНЮ, которая съ шутливой важностью говорила, что ГОСУДАРЯ должно слушаться, и тогда, сквозь сжатые губы, тревожно высывался кончикъ дрожащаго языка.

Царское посѣщеніе лазарета на долго оставалось въ бесѣдахъ дѣтей, и, мы здоровыя, знали каждое словечко, сказанное больнымъ.

Разъ, доложили ГОСУДАРЫНѢ, что въ лазаретѣ лежитъ безнадежно больная сирота, меньшая дочь генерала Бублика, что болѣзнь не заразительна и дѣвочка спокойна. ГОСУДАРЬ и ГОСУДАРЫНЯ пошли навѣстить умирающую. Саша радостно встрѣтила Ихъ, рассказала, что теперь ей гораздо лучше, и на вопросъ ИМПЕРАТРИЦЫ, не желаетъ ли чего? отвѣчала, что у нея нѣтъ книгъ, а она очень любить читать, и перечитала все, что могли ей собрать въ институтѣ. ГОСУДАРЫНЯ обѣщала ей прислать книгъ изъ библіотеки старшихъ В. Княженъ. Саша весело благодарила, сказавъ: что очень, очень любить старшихъ царевенъ, меньшую же обожаетъ; — я только и обожаю Ее, да отца Анастасія, довѣрчиво прибавила она.

— Кто такой отецъ Анастасій? спросилъ ГОСУДАРЬ.

— Ея духовный отецъ, отвѣчала К. Ив. Вчера ей было хуже и она пожелала пріобщиться; институтскаго священника не нашли, такъ взяли монаха съ подворья.

ГОСУДАРЫНЯ грустно улыбнулась, и сказала Сашѣ, что передастъ В. Княжнѣ все, что она пожелаетъ.

— Скажите ей только, что она ангель и что я ее обожаю!

— Не желаетъ—ли какого лакомства? спросила ИМПЕРАТРИЦА.

— Мнѣ хочется апельсиновъ. Черезъ нѣсколько часовъ принесли книги и апельсины, — но они не застали въ живыхъ бѣдняжку. Саша мирно скончалась на колѣняхъ у К. Ив.; дитя заснула подъ ея тихія молитвы и рассказы о Богѣ. Дѣвицы всѣ любили маленькую Сашу и безъ страха приходили съ нею проститься, чего не бывало съ другими покойницами, потому что въ институтѣ всѣ до одной боялись покойниковъ и привидѣній; уговоры классныхъ дамъ были не дѣйствительны, потому что въ нихъ не слышалось

искренности, а было только одно строгое осужденіе.

Какъ только бывало дѣти слышать о покойникѣ, такъ и начнутъ сходиться кучками и толковать о чемъ то страшномъ, совѣщаться, что дѣлать если ночью нападетъ страхъ, и рѣшали тѣмъ, если кто не заснетъ, то долженъ подавать другъ другу голосъ.

Это я говорю объ маленькомъ классѣ; въ большомъ же стыдились сознаваться въ трусости, или быть можетъ силою воли преодолевали ее.

Иногда, бывало разнесется молва о привидѣніи, являющемся въ желтой залѣ, которое все растетъ и растетъ, потомъ со звономъ разсыпается, а затѣмъ, тухнуть лампы. Напрасно поясняли дѣтямъ, что видѣли они ламповщика Максима, который, потуша лампу, упалъ съ лѣстницы и перебилъ запасныя стекла. Напрасно самъ Максимъ рассказывалъ о своей бѣдѣ; дѣти долго дичились этой залы, въ сумерки же ни за что не рѣшались пройти по ней. А между тѣмъ, разговоръ о чудесномъ и привиденіяхъ былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ; мастерицы рассказывать

говорили съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, мѣняли голосъ, вытаращивали глаза, въ самыхъ поразительныхъ мѣстахъ хватали за руку слушательницъ, которыя съ визгомъ разбѣгались въ разныя стороны, но поуспокоясь немного, трусихи возвращались на покинутыя мѣста и съ жадностью дослушивали страшный рассказъ. Между дѣтьми были записныя рассказчицы: однѣ славилась тѣмъ, что хорошо пересказывали читанное и слышанное; однѣ по большей части рассказывали о привиденіяхъ, другія сами сочиняли волшебныя сказки, которыя мы очень любили, но мало по малу стали у насъ являться другія рассказчицы, возможной дѣйствительности, въ чемъ была неподражаема Машенька М.... уроженка южныхъ губерній, вся пропитанная прекрасной природой, которую она описывала такъ увлекательно, что мы заслушивались ее не хуже Гоголевскаго описанія степи.

Это была замѣчательная дѣвочка! маленькая, полная, краснощекая, скорѣе дурна, чѣмъ хороша, но умный взглядъ глубокихъ, огненныхъ, сѣрыхъ глазъ

давалъ понятіе о душевной горячности, о безпредѣльной честности и прямодушіи ея; она никогда, ни передъ кѣмъ, ихъ не опускала, горячо вступалась за правое дѣло, хотя бы и не любила той личности, которую отстаивала, — вступалась за подругъ передо начальствомъ. Къ самой же себѣ была очень строга, и въ дѣтствѣ уже создавала себѣ правила жизни. Конечно, мудро повѣрить, чтобы десяти или одиннадцатилѣтняя дѣвочка занималась такими мыслями, но она выросла въ рѣдкой семьѣ: братъ ея четырнадцати лѣтъ ушелъ изъ дѣтскаго помѣщичьяго танцкласса въ монастырь и славился тамъ аскетическою жизнію; въ послѣдствіи онъ сдѣлался извѣстнымъ, и служилъ при миссіи въ Константинополь и Іерусалимъ.

Если бы Машеньку мать не выдала на 16-мъ году замужъ, то она послѣдовала бы примѣру брата, и вѣроятно была бы счастливѣе, потому что замужество ея было самое горестное.

И такъ, Машенька, какъ я упомянула, съ десяти лѣтъ стала задумываться надъ должнымъ и недолжнымъ, и вотъ какъ узнала я это: разъ, въ праздникъ, дѣти

играли въ трубачисты: ставили поочередно свои значки, крестики и нолики; и кому удавалось поставить безъ помѣхи три значка в рядъ, тотъ и выигрывалъ миндаленку или конфетку.

— Не странно ли, mesdames, сказала Машенька, — что я никакъ не соображу этой игры, не могу добиться того, чтобы выставить свои три креста.

— Душка, сказала я ей, — давай играть со мной!

— Нѣтъ, отвѣчала она; я настаивала, пристаивала....

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня и, помолчавъ, спросила: — тебѣ хочется отнять у меня конфетку?

— Какъ? спросила я, подразумѣвая въ словѣ отнять дѣйствіе силою.

— Да, ты хочешь отнять, потому что ты ужъ слышала, что я играть не умѣю; слѣдовательно, — проиграю тебѣ навѣрное. А тотъ, кто знаетъ впередъ, что выиграетъ, тотъ за знамо отнимаетъ.

Это былъ первый толчокъ, заставившій меня размышлять и задумываться о долгѣ, правдѣ и чести.

Она пыталась свои нравственные и физическія силы различно: то задавала себѣ молчать и не вступаться за личную обиду, то запускала себѣ въ руку булавку по самую головку.

Однажды, въ страстную субботу, насъ тотчасъ послѣ чаю привели въ спальню, чтобы мы отдохнули до заутрени; вдругъ сдѣлалась суматоха.

— Что такое? спрашивала вбѣжавшая дама?..

— Marie M: дурно! — Быть не можетъ! И дѣйствительно, трудно было повѣрить, чтобы самая здоровая изъ всего класса дѣвушка упала въ обморокъ.

А случилось это такъ: Машенька хотѣла узнать, много ли времени она можетъ пропоститься безъ пищи и питья, оказалось, что не выдержала трехъ полныхъ сутокъ.

Ужъ съ этихъ лѣтъ въ ней проявилась склонность къ аскетизму и самосозерцанію.

Слушая были и небылицы ея, мы увлекались рассказами о путешествіяхъ въ разныя пустыни и монастыри, также какъ увлекались рассказами Гоголя о среднихъ

вѣкахъ, о крестовыхъ походахъ; то и другое охватывало насъ и мы стали мечтать о путешествіи цѣлымъ отдѣленіемъ въ Святую землю.

Нѣкоторыя дѣвочки чужыхъ отдѣленій, но нашего же большаго класса, соблазнялись нашимъ предпріятіемъ, и просились идти съ нами, а мы, смотря на личности желающихъ, рѣшали въ общемъ совѣтѣ, принять или отказать имъ.

Чуть не годы собирались и толковали мы о томъ, какъ пойдёмъ и гдѣ назначимъ сойдтись; отыскивали на картѣ какой нибудь мысъ на Черномъ морѣ и назначали его сборнымъ мѣстомъ.

— Mesdames! а если мы его не найдемъ? спрашивали иныя.

Тогда опять собирались въ кучку и долго и жарко толковали, что дѣлать и какъ быть?

Наконецъ рѣшили собраться всѣмъ у Машеньки, какъ у самой южной жительницы; она въ умѣ и на словахъ готовила помѣщеніе, дорожные припасы, но какіе? И опять пойдутъ, бывало, нескончаемые толки о томъ, чего брать,

чего не брать, конечно плоды и толокно стояли на первомъ мѣстѣ.

— Mesdames! а если родители пожелаютъ идти, то ихъ можно принять?

— Можно, можно! кричали всѣ въ голосъ.

— Да я свою мамочку, если она только пожелаетъ идти съ нами, готова нести на рукахъ!

— И я, и мы всѣ! кричали дѣти.

— А подумайте какое счастье, когда мы вступимъ на берегъ Палестины, когда увидимъ горы и озеро, на которыя смотрѣлъ Спаситель? говорили другія. Нашъ крестовый походъ былъ неудачнѣе всѣхъ средневѣковыхъ, но многія изъ насъ вѣроятно также горячо стрѣмились въ Палестину, какъ и тѣ толпы, что шли съ Петромъ пустынноикомъ. — Если бы меня теперь спросили; вѣрили ли мы своимъ мечтамъ? я бы и теперь не умѣла положительно отвѣтить... мы страстно желали и вѣрили, но конечно, между нами были и болѣе равнодушныя, которыя примкнули изъ удовольствія слушать и болтать, — тѣ, быть можетъ не вѣрили.

Другая рассказчица наша, сочинительница волшебныхъ сказокъ, была также общею любимицею: это была умная, прилежная, очень добренькая, но робкая сиротка Даша.

Вотъ ея исторія вкратцѣ: однажды, въ южномъ городкѣ Россіи шла съ базару старушка чиновница со связкою бубликовъ, и наткнулась на избитую, плачущую на завалинкѣ, крошечную дѣвочку, надъ которою стояла собака и жалобно воя, лизала ребенка; старушка остановилась надъ ними, дала имъ по бублику, приласкала обѣихъ, причемъ узнала, что мать прибила и выгнала Дашу. Старушка знала о горькой жизни сиротки, знала, что мачиха будетъ рада развязаться съ ребенкомъ и, подумавъ, взяла дѣвочку за руку и увела къ себѣ; собака пошла за ними слѣдомъ и поселилась въ убогой хаткѣ чиновницы. Даша подросла, изрѣдко тайкомъ, захаживалъ къ ней отецъ, приносилъ старушкѣ посильную помощь, училъ дочку любить и слушаться свою благодѣтельницу.

Названная бабушка, чтобы вполнѣ покончить дѣло, задумала доставить

пріемышку своему хорошее воспитаніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣрный кусокъ хлѣба; для этого стала переписываться съ племянницей своей, классной дамой Патріотическаго Института, которая къ великой радости старушки, вскорѣ сообщила ей, что высшее институтское начальство, за долголѣтнюю службу ея въ институтѣ, согласно принять въ сверхштатныя воспитанницы Дашу.

Бабушка и отецъ дѣвочки плакали отъ радости, и безпрестанно толковали ей, какъ должна она благодарить Бога и новую свою благодѣтельницу, которая, чтобы помѣстить въ институтѣ, назвала ее даже своею племянницею; — столь важною особою казалась имъ петербургская классная дама!

Дашу привезли и сдали, она чуть не молилась новой покровительницѣ, угадывала ея малѣйшія желанія, прислуживала ей, и вскорѣ смышленная дѣвочка сдѣлалась правой рукой ея по хозяйству.

Названная тетушка была со всѣми дѣтьми строга и холодна, а съ Дашей обращалась даже съ висока; дамою этой въ институтѣ дорожили, потому что она, какъ на парахъ, развивала умственно-научную

сторону своихъ воспитанницъ. Начальство и дѣти считали ее очень умною, и справедливою, но мнѣніе это вскорѣ оказалось неосновательнымъ.

Третья рассказчица наша была N: N: я не назову даже заглавныхъ буквъ ея имени, но если некоторыя старушки, однокашницы мои, прочтутъ рассказъ этотъ, то узнаютъ ее; другимъ же довольно будетъ одного подробнаго описанія этого необузданнаго нрава, который можетъ заставить призадуматься любого воспитателя.

N: N: поступила во время общаго приѣма. Она была лѣтъ десяти или одиннадцати; средняго росту, зелена, золотушна, вѣчно съ распухшими желѣзами, скрытна, во взглядѣ ея было что то очень пытливое и лукавое, она сорила деньгами, закармливала лакомствами, и мало по малу завладѣла большинствомъ; сначала забрала въ руки своихъ ближайшихъ сосѣдокъ, однѣ шили и линовали ей тетради, другія чинили ей перья и карандаши, заднія за нею должны были подсказывать, и горе или, если учитель, замѣтя ихъ шопоть, ставилъ ей дурной номеръ! Тогда не только

доставалось подсказчицамъ, но и всѣмъ прочимъ: она злилась на всѣхъ, багровыя пятна выступали на блѣдныхъ щекахъ, глаза горѣли какъ свѣчи, прерывисто дыша и прячась за поднятую крышку пюпитра отъ глазъ учителя и классной дамы: рвала тетради, колола перья, распускала и рвала начатыя работы. Бѣдныя дѣвочки сосѣдки тихонько косились на разбѣсившуюся подругу и молчали; если же бывало, которая нибудь изъ дѣвицъ побойчее въ негодованьи прикрикнетъ на нее, то получала за то въ отвѣтъ свирепый, волчій взглядъ. — Отчего же Н: Н: взяла такую волю? Никто не могъ рѣшить этого; странно, что нѣкоторые даже любили ее, не смотря на то, что она была бешено-вспыльчива, мстительна, обидчива и горда; откуда-же бралось такое ослѣпленіе? Я думаю, иза умственного |перевѣса ея надъ сверстницами. Она все предугадывала, все знала, и устраивала свои дѣла прежде, чѣмъ объ нихъ догадывались; училась она порядочно: русскій языкъ знала очень хорошо, басни отвѣчала такъ, что учитель заслушивался; она вполнѣ играла голосомъ, понижая и возвышая его, придавала баснѣ

тотъ смыслъ, которымъ любовались взрослые, мы же, не понимая всей прелести, питали къ ней уваженіе за то, что старшіе любовались ея декламаціею. Разказы N: N: о чудесномъ, о привиденіяхъ были такъ увлекательны, что они видѣлись намъ и во снѣ и на яву.

Но и въ разказахъ она была деспотка: на самомъ занимательномъ мѣстѣ бывало оглянетъ кругъ слушательницъ и, замѣтивъ ту, на которую сердилась, — нѣтъ, я не вѣрно выразилась, — она ее уже давно замѣтила, даже прежде разказа своего готовила кару за какое нибудь супротивное слово, и вотъ, теперь рѣзко скажетъ: — та счиге, пойдите, я при васъ не хочу говорить! Изгнанная, со стыдомъ удалялась, за нею печально выходили изъ круга одна или двѣ жалостивыя подруги, и всѣ садились гдѣ нибудь въ уголокъ, поджидая когда кончится занимательный разказъ, чтобы выслушать его отъ тѣхъ счастливицъ, которыя до конца дослушивали его.

Подростая, мы стали мало по малу сбрасывать это обояніе, и не разъ случалось сговариваться: если N: N:

вздумаеть повелѣвать нами, гнать кого изъ круга, то отказаться отъ разсказа и оставить ее одну. — Она не заставила долго ждать себя: разъ, въ срединѣ повѣсти о привиденіи, безжалостно погнала одну девочку. Всѣ встали и въ негодованіи покинули рассказчицу. Удивленіе и гнѣвъ ея описать трудно: она злобно бросалась въ уголь, грызла ногти и бранила насъ; голосъ у нея былъ про злой, — хриплый, задирающій, — мы его не терпѣли, а нѣкоторыя даже боялись.

У насъ, въ институтѣ велся обычай дарить родителей къ праздникамъ, у многихъ дѣтей, по бѣдности, не было матеріала и онѣ зарабатывали его своими трудами изполу. — N: N: платила втридорого, но за то, требовала не возможнаго; напр.; чтобы отъ ея подарковъ всѣ безъ исключенія приходили въ восторгъ. Если же слышала какое нибудь замѣчаніе, то безжалостно драла и портила всѣ: бисерные кошельки, тюлевые воротнички, рукавчики и пр.

Однажды, умненькая, рукодельная Аня Ч: заработала у ней нѣсколько кистей бисера и, получа ихъ, затѣяла для

себя работу въ подарокъ одной доброй женщинѣ, которая ее изрѣдка навѣщала; а такъ какъ работать позволялось только въ свободные часы, то Анята усѣлась тотчасъ послѣ обѣда у окна въ залѣ, разложила бисеръ и принялась за вышиванье. Вокругъ нея собирались дѣвочки и дивились такому множеству прекраснаго бисера (въ кисти считалось по 120 нитокъ). — Вдругъ, подходитъ N: N:, и повелительно говорить: — Анята, пойдите походить со мной! Не знаю, хотѣла ли она показать намъ свою власть, или просто желала провести послѣобѣденный часъ въ обществѣ добренькой Ч:, которая жалобно упрашивала дать ей поработать или наконецъ хоть подождать нѣсколько минутъ, пока она дошьетъ рядъ. N: N: горячилась, дѣти вступились за притѣсненную. — А, когда такъ! закричала N: N: такъ вотъ же тебѣ; и, захватя всѣ кисти, разомъ порвала ихъ. Бисеръ съ шумомъ посыпался, дѣти онѣмѣли отъ ужаса; — опомнясь, всѣ бросились на полъ, чтобы стрясти бисеръ въ кучу. Заметя это, N: N: выхватила носовой платокъ, и ну хлестать по бисеру, да такъ, что онъ

разлетѣлся по всей залѣ. — Нѣкоторыя изъ насъ побѣжали за классной дамой, большая же часть въ ужасѣ смотрѣла на иступленную дѣвочку, у которой глаза горѣли темно-синимъ огнемъ, щеки пылали неровными багровыми пятнами и сама едва дыша, щелкала и скрипѣла зубами. Дама увела ее въ лазаретъ, потомъ, когда успокоилась, ее заставили извиниться, вознаградить убытокъ, — но чтъ все это для такого нрава!

Господствующею ея страстью было себялюбіе и непомерное тщеславіе; — я впослѣдствіи расскажу къ чему оно ее привело.

(Продолженіе будетъ).
ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ
(Продолженіе).

Я помянула о дѣтскомъ страхѣ, о привидѣніяхъ, — все это стало сильно разыгрываться у насъ именно въ холерное время. Дѣти боялись ходить вдоль по корридорамъ, по спальнямъ или даже днемъ пробѣжать по пустому классу.

— Говорятъ холера уже идетъ къ Петербургу! слышалось въ собиравшихся кучкахъ дѣтей. — Какая же это холера?

думали и толковали мы межъ собой, и обращались съ вопросомъ къ класснымъ дамамъ.

— Ахъ, дѣти, это еще не бывалая болѣзнь! молитесь Богу, чтобы Онъ помиловалъ насъ, отвечали тѣ.

Кучки продолжали собираться и, все чаще и чаще слышалось: — какая же бываетъ холера!

— Извѣстно какая, сказала вслушавшаяся горничная, съ рукамъ, да съ ногамъ!

Это глупое слово, какъ разъ нашло отголосокъ въ дѣтскомъ воображеніи, которое такъ любить придавать образы всему, и понятіе о холерѣ стало развиваться у насъ, какъ въ «Призракахъ» Тургенева описанія смерти или какъ онъ ее называетъ, ничтожества: нѣчто дѣйствительно страшное, что не имѣло опредѣленнаго образа, что то тяжелое, мрачное.. не туча и не дымъ, — медленнодвигающееся надъ землей.

Все засуеилось въ Петербургѣ, жители стали разъѣзжаться по деревнямъ для прощанья съ родственниками — въ институтъ было объявлено нѣсколько

пріемныхъ дней сряду, учителя сошлись проститься съ нами, дѣти плакали.

— Ну! сказалъ нашъ старый учитель нѣмецкаго языка: Вальпульскій, — если холера можетъ приключиться отъ кваса и ботвиньи, то я навѣрно помру, потому что лѣтомъ не могу жить безъ ботвиньи.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали дѣти, — лучше не кушайте ее.

Пришелъ проститься недавно опредѣлившійся французъ Бавіонъ, разшаркался, пожелалъ здоровья и ушелъ.

— Да хранитъ Васъ Господь, сказалъ дѣдушка Ломанъ, учитель чистописанія, котораго мы любили и боялись; — останусь живъ, будемъ опять писать: правый, лѣвый, правый, лѣвый! а помру, такъ учитесь прилежно у другаго, — прописей моихъ не марать, а беречь! Прописи свои дѣдушка считалъ неоцѣненными, и бѣда, если онъ замѣчалъ, что дѣти не берегли ихъ или даже изъ шалости марали и обводили вѣточками. Разъ онъ такъ разсердился, что, схвативъ бумажникъ, досталъ изъ него 25 руб. и, бросивъ передъ виноватой, настоятельно требовалъ, чтобы она сейчасъ шла и купила подобную пропись.

Дѣвочка стояла передъ нимъ, заливаясь слезами; пожуривъ ее еще немного, онъ спряталъ асигнацію, сказавъ и не трудись искать, — не найдешь!

— Мои прописи только и есть у Великихъ княженъ, да у васъ! Слова: правый, лѣвый! были его вѣчной немногословной поговоркой; такъ диктоваль онъ иногда цѣлые полчаса, повторяя: правый, лѣвый, правый, лѣвый! Когда писали штрихи, то правый значило писать тонко, правой стороной пера, лѣвой же — вести, нажимая лѣвой стороной.

— Мнѣ, дѣвицы, заучите хорошенько табличку умноженія, пробасилъ исконный учитель Патріотич. Института Ив. Ѳ. Постниковъ, съ которымъ дѣти свыклись, какъ съ самимъ институтомъ, и любили его, не смотря на нѣсколько грубые пріемы, сиплый голосъ и странную наружность: онъ былъ очень черенъ, на головѣ густо торчали щетинистые черно-синіе волоса, грубые черты лица, брови въ палецъ ширины, зубы длинные, бѣлые, блестящіе, и клиномъ внизъ. Сторонніе находили его уродливымъ, мы же, какъ я сказала, свыклись съ нимъ и смотрели на

него, какъ на одну изъ каріатидъ, поддерживающихъ наше зданіе. — Да еще, дѣвицы, помолитесь за меня; дѣтскія молитвы доходчивы, прибавиль онъ грустно, и вышелъ понуря голову.

— Будемъ, будемъ! молиться за васъ, Иванъ Ѳедоровичъ, кричали мы ему въ слѣдъ.

Остальныхъ прощаній не помню.

Наконецъ, институтъ оцѣпили, но, какъ оцѣпили его? этого мы не могли добиться; — только слишкомъ два месяца ни къ намъ, ни отъ насъ никого не пускали.

Вездѣ раставили хлоровую известь.

Насъ посадили на строгую діету: на крѣпкій бульонъ и кусокъ жареной говядины; вместо кваса, дали воду съ виномъ, вместо молока или сбитня, чай съ бѣлымъ хлѣбомъ; — дѣти голодали и проклинали холеру.

Вотъ по улицѣ повезли засмоленные гроба; — ужасъ усиливался, — каждая думала о своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Такъ какъ видѣться съ ними было не позволено, то родители и надумали, въ условный день и часъ, приходитъ къ институту; они становились на

противуположной сторонѣ улицы, дѣти же появлялись у оконъ и радостно привѣтствовали своихъ. Раза два видѣли Гоголя, который смотрѣлъ въ окно и, завидѣвъ дѣтей, весело кивалъ имъ головой, потомъ, накинувъ на нескончаемый хохоль шляпу, бѣжалъ своей неровной походкой къ набережной.

— Mesdames, смотрите, Гоголь! онъ живъ, слава Богу!

— Mesdames, онъ на улицѣ и машет платкомъ! кричали дѣти.

Большое счастье было для насъ, хоть мелькомъ увидеть когонибудь изъ учителей.

Стали доходить и до насъ смутные слухи, что холеры нѣтъ, но что врачи отравляютъ людей. Народъ шумными кучами собирался на улицахъ; мы видѣли, какъ разъяренная толпа бѣжала за бѣлой фуражкой, которая во всю мочь неслась на маленькихъ дрожкахъ; то былъ врачъ, — имъ было приказано носить бѣлыя фуражки, за тѣмъ, чтобы всякій, кто искалъ помощи, могъ по наружному виду узнать врача на улицѣ, — но къ несчастью, эта мѣра обратилась имъ во вредъ: народъ

завидя бѣлую фуражку, неистово бросался на нее; — и были даже случаи убийствъ.

Однажды, прекраснымъ лѣтнимъ утромъ, около семи часовъ, дѣти собирались на молитву; окна были отворены, мы смотрѣли черезъ крыши домовъ на ярко-голубую полосу Финскаго залива, вдругъ на улицѣ сдѣлалась какая то суматоха, — мимо оконъ неслась парная коляска.

— ГОСУДАРЬ! ГОСУДАРЬ! въ восторгѣ закричали, и мы всѣ бросились къ окнамъ, — но экипажъ проскакалъ; ГОСУДАРЬ не кивнулъ намъ и даже не взглянулъ въ окна; минуты черезъ двѣ, слѣдомъ за ЦАРЕМЪ пронеслись казаки съ пиками, до насъ доходилъ какой то глухой гулъ.

— Боже! это опять бунтъ! сказалъ кто-то изъ сторожилокъ, — казаки гонятся за ГОСУДАРЕМЪ!

Дѣти зарыдали, закричали, всѣ всполошились: сбѣжались дамы и горничныя; одни спрашивали, другія плакали, отвѣчали безсвязно, или, вовсе не отвѣчая, бѣжали къ постелямъ и, уткнувшись въ подушки, плакали

навзрыдь.... На молитву! скомандовала нашедшаяся дама.

Дѣти мгновенно стали по своимъ мѣстамъ и обычно опустились на колѣни, но очередная, начавъ молитву, спуталась и, захлебываясь, лепетала что то несвязное; то ужъ была не обычная наша чинная молитва, а плачь съ колѣнопреклоненіемъ.

Дежурная дама, блѣдная, какъ гипсовая статуя, стояла съ судорожно сжатыми руками.

— Вставайте! сказала она, собравшись съ духомъ.

Всѣ встали, и она повела насъ къ чаю. Тамъ была страшная суматоха, никто не дотрогивался до чаю, всѣ будто чего то ожидали; вошелъ институтскій полиціймейстеръ и объявилъ, что все благополучно, что ГОСУДАРЬ живъ и здоровъ, что онъ усмирилъ бунтующую толпу народа, которая до его пріѣзда убила врача и собиралась перебить всѣхъ Петербургскихъ врачей, какъ своихъ отравителей.

— А казаки, которые преслѣдовали ГОСУДАРЯ? спросили мы.

— Это былъ вѣрный Его конвой, который и нагонялъ Его во всю мочь.

Плачь нашъ обратился въ радость; въ послѣдствіи мы слышали отъ очевидцевъ, что появленіе спокойно—грознаго ЦАРЯ произвело потрясающее дѣйствіе на расходившійся народъ.

Къ холерѣ, какъ я сказала, присоединился у насъ страхъ къ привидѣнію, которое будто бы вездѣ невидимо ходитъ стучить, и гдѣ оно не побываетъ, тамъ что нибудь да пропадетъ: у какой—то пропала совсѣмъ готовая работа, у другой альбомъ или иная какая хорошенькая вещь, у какой—то музыкальной дамы пропали кольца и дорогая вышитая вуаль, опять у иной дамы пропали серебряныя чайныя ложки.

— Mesdames, что это за несчастіе? — и холера, и привидѣніе! говорили дѣти, сбиваясь въ кучку.

Классныя дамы были задумчивы и о чемъ то тайно совѣщались; полиціймейстеръ подозрительно похаживалъ и толковалъ съ прислугой. А привидѣніе продолжало невидимо расхаживать и подчищать все лучшее,

завѣтное, что пряталось дѣтьми въ ихъ ящикахъ, по институтски, въ касеткахъ.

Однажды, сошлись мы на утреннюю молитву, и тутъ услышали, что привидѣніе было въ комнатѣ одной классной дамы и унесло золотыя серги, которыя она обычно снимала, ложась спать.

— Mademoiselle, правда, что привидѣніе унесло у васъ серги? спросили дѣти свою классную даму?

— Дурочки! отвѣчала она, — привидѣнія живутъ только въ сказкахъ, а въ самомъ дѣлѣ ихъ не бываетъ.

— А кто же унесъ ваши серги и наши лучшія вещицы? торжествуя, спросили воспитанницы.

— Ктонибудь да унесъ, но только никакъ не привидѣніе, за это я вамъ ручаюсь, отвѣтила классная дама.

— Ахъ, mademoiselle! дамы слышали, какъ оно стучало, а N: N даже слышала, какъ оно шло по корридору и пыхтѣло!

И что не говорили намъ классныя дамы и дѣвицы большаго класса, мы стояли на своемъ: что у насъ въ институтѣ завелось привидѣніе. Послѣ обѣда того же дня, когда мы гуляли въ саду, то видѣли всѣхъ нашихъ

горничныхъ, шумною толпой шедшихъ отъ полиціймейстерскаго допроса; многія изъ нихъ плакали, иныя громко обѣщали молебны, а горничная новгородка Авдотья, объявившая про холеру, что "она съ рукавъ и ногамъ" надрывалась плача, и размашисто крестясь, обѣщала пудовую свѣчку только бы Богъ попуталъ вора!

Намъ стало очень жаль нашихъ дѣвушекъ, и мы, пришедъ вечеромъ въ спальни, вздумали ихъ одаривать: кто деньгами, кто иглами, а неимущія принесли отъ чаю свою долю сухарей, и обѣщали помогать имъ въ работѣ: перестилать наши постели, а главное, не задерживать долго горничныхъ на ногахъ и ранѣ укладываться спать.

Въ холерное время, по случаю строгой діэты, мы голодали такъ, что всѣми правдами и неправдами добывали ѣду; многія стали ѣсть въ саду: траву, барбарисныя листья, и пр. дрянъ, но лучшимъ прибѣжищемъ нашимъ была опять таки К. Ив. Рыбакова, не любившая діэты. Она угощала на свой счетъ булками и чаемъ тѣхъ, кто добирался до нея, не смотря на преграды. Еще выручала насъ

иногда старая мамушка начальницы нашей, худенькая, чопорная шляхтянка; какъ теперь смотрю на добрую 80-ти лѣтнюю старушку. Въ двухъ ярусномъ чепцѣ, перевязанномъ по старой модѣ, отъ затылка ко лбу, шелковымъ коричневымъ платочкомъ, въ ситцевой юбкѣ съ кофтою и длинномъ черномъ передникѣ; она, сжалась надъ нами, стала набивать свои безконечные карманы хлѣбомъ, сухарями и пр.; дѣти ждали ее въ условномъ мѣстѣ въ саду и мигомъ очищали карманы доброй няни. Однажды, татап поймала няню на раздачѣ, и крѣпко пожурила насъ и старушку; однако, съ тѣхъ поръ ежедневная порція наша нѣсколько увеличилась. Впослѣдствіи, строгой діетѣ нашей приписали то обстоятельство, что только въ нашемъ институтѣ не было холеры. Намъ позволили писать къ своимъ еженедѣльно, — письма сдавались въ лавочку.

По обычному порядку, классная дама обязана была перечитывать всѣ письма своего отдѣленія, — это правило только маленькаго класса; вотъ, однажды M-elle M., подозвавъ одну дѣвочку, стала ей

указывать на ошибки въ родѣ: кланица, насквозь, и тому подобное, но вдругъ замѣтила, что Н: Н:.. наша рассказчица о привидѣніяхъ, старательно прятала какое то письмо въ карманъ. М. велѣла его подать, но та стала слишкомъ горячо отговариваться, потомъ вспылила и заговорила, какъ ровня съ ровней; — письмо взяли и прочли.

Мы смотрѣли на классную даму и видѣли, какъ она, нахмурясь, болѣе и болѣе краснѣла, наконецъ подошла къ намъ и прочла письмо вслухъ, — оно было полно лжи и клеветы на институтъ. Еще и не дочитали письма, какъ поднялся у насъ страшный шумъ, дѣти пришли въ сильное негодованіе: у насъ считалось святотатствомъ сказать что нибудь дурное, несправедливое объ институтѣ. Въ письмѣ насъ особенно смутило слово: протекція, котораго мы до толѣ не знали: "у насъ все можно и все сдѣлается "по протекціи" гласило письмо.

— М-elle М...: что значить протекція? спросили мы. Вошедшая начальница растолковала намъ это неслыханное слово и, узнавъ въ чемъ дѣло, спросила

виноватую, кто же видался у насъ съ родителями по протекціи! — Ольга Ф:!
бойко отвѣтила N: N:

Начальница спокойно обратилась къ намъ съ вопросомъ: — дѣти, знаете вы, какъ видалась Олинъка съ отцомъ своимъ, когда ГОСУДАРЫНЯ присылала его узнавать о состояніи здоровья вашего?

— Да, мы знаемъ, что она видѣлась съ нимъ черезъ стеклянную дверь.

— Видите ли, сказала татап, — я нарочно устроила это свиданіе такъ, чтобы не говорили того, что сказано въ этомъ письмѣ!

Начальница взяла и спрятала письмо, чтобы, при случаѣ, поговорить съ родными виноватой, но напрасно искала она помощи оттуда, гдѣ возрасло такое жалкое созданіе.

Наконецъ, осенью намъ объявили, что холера прошла, и что институтъ открыть; собрали адреса родителей, чтобы оповѣстить ихъ, послали за учителями.

Съ какимъ радостнымъ трепетомъ мы ждали ихъ.

— Здравствуйте дѣтки! Богъ привелъ опять свидѣться! сказалъ дѣдушка Ломанъ; мы, прыгая, окружили его. — Нашъ добрый

Плетневъ, приветливо разговаривая, обошелъ всѣ классы.

— А господинъ Гоголь, спрашивали мы у инспектора?

— Онъ, славу Богу, здоровъ, весело отвѣчалъ Плетневъ, — и скоро прійдетъ къ вамъ.

— Ахъ! какое счастье, всѣ здоровы, кричали мы!

— Не всѣ, задумчиво сказалъ Плетневъ.

Пришелъ и И: Ө: Постниковъ, но такой худой и блѣдный, что мы испугались.

— Ничего, ничего дѣвицы; Господь помиловалъ, я совсѣмъ оправился отъ холеры.

— А гдѣ же Г-нъ Вальпульскій? спросили мы.

— Вальпульскій и Baviop, скончались, отвѣчали намъ. Baviop училъ у насъ недавно, и потому, объ немъ не особенно горевали, а объ Вальпульскомъ много плакали, даже инья сшили черныя съ плёрезами перевязки на свои салфетки, по институтски кольца, и перевязки эти назывались еще тогда аташи. Дочь Вальпульскаго, которая была воспитана у насъ, пришла въ глубокомъ траурѣ;

классныя дамы, сверстницы ея, со слезами обнимались съ нею, спрашивая о смерти отца.

Оказалось, что онъ дѣйствительно занемогъ послѣ ботвиньи. Начальница объявила намъ большую радость: въ первое воскресеніе, родителей будутъ принимать не до двухъ часовъ, какъ обыкновенно, а до восьми вечера.

Пришло наконецъ воскресенье, мы сидели въ классахъ, поджидая церковнаго сторожа Сидора, который всегда приходитъ звать въ церковь.

Вдругъ М-elle М....: громко спросила у N: N:, что она спрятала въ карманѣ?

— Ничего-съ!

— Нѣтъ, я видѣла, что вы что-то спрятали, — покажите сейчасъ! И сказавъ это, она пошла къ мѣсту, гдѣ сидѣла N: N:, та вскочила и убѣжала изъ класса въ корридоръ и далѣе. Классная дама и нѣкоторыя дѣвочки поспѣшили за нею; уже на черной лѣстницѣ только удалось ее схватить, но она металась и кусалась, какъ бѣшеная кошка.

Классная дама насильно опустила руку въ ея карманъ, вытащила цѣлый пукъ чего—

то, и, взглянувъ, точно окаменѣла, — то была пропавшая вуаль и нѣсколько кошелековъ!

Н. Н. подняли и повели къ начальницѣ; тамъ сняли съ нее двойные подвязные карманы, и въ нихъ нашли всю институтскую пропажу! Вотъ и привидѣніе!

Болѣе сорока лѣтъ прошло съ того времени; но я и до сихъ поръ не могу уяснить себѣ эту испорченность въ 12 лѣтней дѣвчкѣ; кажется, корень всему этому было неограниченное самолюбіе, но не наше институтское, а доморощенное, захваленое: она все дѣлала для похвалы, требовала во всемъ первенства. Сначала, первый годъ мы пикнуть не смѣли передъ нею; она хвалилась намъ значеніемъ родителей, богатствомъ ихъ, дивила насъ несмѣтнымъ количествомъ гостинцевъ, которые ей приносили, а родителямъ толковала о своемъ вліяніи на дѣтей и даже на классныхъ дамъ, и въ доказательство всеобщей любви къ себѣ, показывала украденныя вещи, которыми и дарила своихъ родныхъ.

Говорить ли о стыдѣ и горѣ дѣтей, въ средѣ которыхъ оказалась такая дѣвочка?

Онѣ разѣ навсегда исключили ее изъ своего круга, а вскорѣ она и на дѣлѣ была исключена изъ института.

Въ послѣдствіи, мужъ мой видѣлъ у В. А. Жуковскаго двухъ дамъ; пожилую и очень молоденькую, послѣдняя поразила его рѣзкимъ голосомъ, злой усмѣшкой и непріятнымъ, острымъ взглядомъ.

— Кто это? спросилъ онъ у Жуковскаго, когда дамы уѣхали.

— Ахъ! это жалкое существо, выгнанное изъ института за кражу; теперь же мать, не справясь съ нею, хлопочетъ опять помѣстить въ казенное заведеніе, но это не мыслимо.

Описаніе наружности какъ разѣ приходилось къ нашей рассказчицѣ.

Говоря вообще, мы были довольны своею жизнею, даже счастливы, но бывала пора тоски и скуки, и это случалось въ дурную петербургскую осень, когда вставятъ зимнія рамы, по улицамъ налягутъ непроглядные туманы, понесетъ изморозью, которая сочится по окнамъ мелкими, нескончаемыми потоками; вѣтеръ дуетъ, изъ гавани слышится остерегательная отъ наводненія пальба, въ комнатахъ свѣжо и,

не смотря на указанное число градусовъ, дѣти ежутся, дамы сидятъ нахохлившись, учителя кашляютъ, чихаютъ и иногда по пустякамъ придираются: такъ бы и завернулась съ головой и ногами во фланелевое одѣяло и проспала бы, не просыпаясь, весь день и всю ночь! А между тѣмъ, надо сидѣть на вытяжку, внимательно слушать учителя, записывать или готовить трудный урокъ, который никакъ лѣзетъ въ голову, а тутъ, кто нибудь отворить дверь и раздадутся со всѣхъ сторонъ разнородные, разномѣрные звуки фортопіано!

Просто хотъ плакать! У насъ во всѣхъ комнатахъ, на всякой удобной площадкѣ на лѣстницѣ фортопіаны, на которыхъ дѣти упражнялись съ восьми утра, до восьми вечера; можно представить себѣ, какъ дѣйствовала эта вѣчная брякотня на дѣтей, которыя и безъ того были не въ духѣ.

— Mesdames! закричала однажды въ такую пору нетерпѣливая дѣвочка, вскочивъ со своего мѣста, это ужасъ что такое! Я бы рада была Богъ знаетъ куда убѣжать отъ этой брякотни.

Всѣ сочувственно отозвались на это восклицаніе. — Да куда же бѣжать, та chire?

— Ахъ, я право не знаю! говорила зачинщица, — мнѣ хоть бы только денекъ не слышать фортепьянъ, и никого не видать, ни дамъ, ни учителей, ни дѣтей!

— Чтѣ я говорю — денекъ! да хоть бы на часъ куда-нибудь уйти! И всѣ согласно положили: давайте думать, куда бы намъ уйти? Думали, думали, но ничего не могли придумать, — уйти въ лазаретъ? и тамъ есть фортопіано, — спрятаться въ спальняхъ? нельзя, увидятъ и накажутъ, да къ тому же, въ каждой спальней и въ каждомъ корридорѣ, стоятъ неумолчныя фортепіаны.

— Въ садъ! въ садъ! закричало нѣсколько голосовъ.

— Какъ, теперь въ садъ? насмѣшливо спросили другія, указывая на хлопья снѣгу и на топкую грязь въ облетѣвшемъ саду.

— Ну, нѣтъ, конечно не теперь, а когданибудь лѣтомъ. И мысль эта засѣла въ головахъ и сердцахъ.

Часто дѣти собирались въ одну кучку и толковали о томъ, какъ бы устроить дѣло;

всѣмъ хотѣлось одиночкой посидѣть въ саду, но великодушно рѣшили, дать отдохнуть тѣмъ, которыя наиболѣе скучаютъ, — такихъ набралось шесть или семь.

Наконецъ, наступило лѣто.

— Когда же, когда же мы спрячемся? спрашивали нетерпѣливыя дѣвочки?

И вотъ классъ рѣшилъ: между уроками церковнаго пѣнія и чистописанія, — у дѣдушки Ломана.

Всѣ три отдѣленія большаго класса были въ саду, зазвенѣлъ призывный колокольчикъ, классная дама объявила: — теперь идемъ пить чай, а послѣ того пѣвицы пойдутъ къ г-ну Макушину, не поющія же, въ ожиданіи г-на Ломана, займутся въ классахъ приготовленіемъ уроковъ.

Какъ бились сердца у дѣвочекъ нашего отдѣленія и за себя и за другихъ! Мѣста были заранѣе распредѣлены, дѣвочки спрятались по разнымъ уголкамъ въ чащѣ кустовъ. Между тѣмъ, садовыя двери отворились, классная дама во главѣ паръ вышла изъ сада; вдругъ изъ боковой аллеи выбѣжало пять струсившихъ дѣвочекъ, онѣ

едва дыша спѣшно примкнули къ подругамъ, — въ саду же остались только двѣ: одна, забившись въ кусты, покоилась и духомъ и тѣломъ. — Я, рассказывала она послѣ, — ни о чемъ не думала, — я только смотрѣла вверхъ на частые листья, на небо, и на какую то птичку, которая чирикала, попрыгивая надо мною; — мнѣ было такъ хорошо, такъ хорошо, какъ въ раю!

— И мнѣ также, говорила другая, которая все время радостно проплакала на лужкѣ, прижавшись лицомъ къ молоденькой травкѣ.

Этотъ страшный проступокъ, противъ институтскаго закона, остался неузнаннымъ, слѣдовательно, и ненаказаннымъ.

О дѣтской дружбѣ, объ уваженіи къ правдѣ, о желаніи учиться, я говорю, какъ о правилѣ съ обычными исключеніями. — Институту болѣе всего вредили дѣвочки подростки, которыхъ достаточные родители подготавливали дома и сдавали въ институтъ не за долго до перехода въ большой классъ. — Дѣвочки эти, выросшія на рукахъ иностранокъ, знали языки лучше насъ, но въ наукахъ оказывались слабыми и, мало

по малу, становились записными лѣнвицами. Рѣдкая изъ нихъ входила въ нашъ строй, у нихъ и понятія, и рѣчи, и потребности были другія; стоило только заглянуть въ ихъ пюпитры, и сейчасъ бросалась въ глаза контрабанда: зеркальцо, духи, помада, гребешки, перчатки, бархатки и пр., тетради же валялись ворохомъ въ углу. — Мы, бывало, торжествовали, когда классная дама пойдетъ осматривать, все ли у насъ въ порядкѣ и повыкидаетъ у нихъ все убранство, но, къ сожаленію, оно вскорѣ опять являлось, не смотря на усовѣщеванія и даже наказанія.

Эти дѣвочки охотно дружились между собой, и какъ не старались, для видимости, сходиться съ нами, но межъ нами была неопреодолима рознь: все до послѣдней мелочи было передумано и перечувствовано нами вмѣстѣ, и составляло часть жизни нашей; для нихъ же, бѣльшая часть мыслей этихъ была незанимательная рѣчь невѣдомаго языка; онѣ охотнѣе говорили о своихъ домашнихъ шалостяхъ, о выѣздахъ старшихъ сестеръ, о смѣшныхъ или милыхъ гостяхъ, перешептывались и краснѣли.

Впослѣдствіи, къ нимъ примкнуло нѣсколько изъ нашихъ товарокъ.

— Ленивицы, жантильки! говорили коренныя съ негодованіемъ, завидя ихъ сбившихся въ кучку, — хоть бы разъ выучили урокъ! — Вы стыдите институтъ! Сначала онѣ робѣли, но впослѣдствіи, оперясь, отвѣчали въ родѣ того: — что-же, если вы стыдитесь насъ, то мы назовемся Екатериненскими.

— Это образцовыя то, признають васъ своими?

— Подите-ка спросите М-lle, есть ли у нихъ подобныя лѣнивицы?

— Ну, такъ мы скажемъ, что мы Смолянки.

— Mesdames, онѣ Смолянки! Вотъ смѣхъ-то! — да кто же вамъ повѣритъ! Говорять, Смолянокъ можно отличить по первому взгляду!

Мы сходились, расходились, но дружбы съ ними не было. — И тутъ опять таки не безъ исключенія: бывали такія, которыя поступали прямо въ большой классъ, быстро освоивали мысли и чувства наши, и сливались съ нами въ одно.

Продолженіе будетъ.

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.

(Продолженіе).

П. А. Плетневъ.

Мы любили и уважали своего инспектора П. А. Плетнева; по обязанности онъ наблюдалъ за ходомъ ученія и за способомъ преподаванія, но какъ человѣкъ душевный, Плетневъ не могъ ограничиться однимъ только научнымъ развитіемъ, его занимало все касающееся дѣтей: иную пору бывало пожурить насъ, иную пошутить, иную привезетъ поклонъ отъ В. К-нѣ., которыхъ училъ русскому языку, или скажетъ намъ что нибудь объ нихъ.

Каждый малѣйшій рассказъ носилъ отпечатокъ спокойной, правдивой и отчасти поэтической природы его. — Спокойно-пытливымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ въ души и, |казалось, напередъ зналъ всѣ наши отвѣты.

Въ то время, о которомъ говорю, ему было около 40 лѣтъ; росту онъ былъ средняго, плотень, но что болѣе всего въ наружности его бросалось въ глаза, это его здоровый цвѣтъ лица, умные, спокойные сѣрые глаза и гладко выбритая синяя борода, и не обычный цвѣтъ которой,

дѣвицы въ минуты негодованія звали его Рауломъ синей бородой.

Во всѣхъ движеніяхъ Плетнева было что то очень спокойное и обдуманное. Преимущественно, онъ слѣдилъ у насъ за русскимъ языкомъ и словесностью, такъ, что когда учитель смѣнялся, то онъ самъ замѣнялъ его до пріисканія новаго.

П. А. любилъ поэзію и, примѣняя къ себѣ извѣстные стихи Пушкина, говорилъ:

Блаженъ, кто наслажденіе прекрасныхъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ.

Онъ читалъ стихи очень хорошо, но нѣсколько напыщено; по тогдашнему вкусу, любимые поэты его были: Жуковскій, Батюшковъ и Вяземскій, любовь къ нимъ онъ сообщилъ и намъ.

Пушкина читалъ проще, не такъ торжественно, но кажется, очень любилъ его.

— Г. Плетневъ, спрашивали мы его, — отчего намъ Пушкинъ не такъ нравится, какъ Жуковскій?

На этотъ вопросъ П. А. улыбаясь отвѣчалъ: — отъ того, что вы Шиллеровы ангельчики!

Мы чувствовали какую то иронію въ этихъ словахъ, но не понимали ее. И мудрено ли, что будучи дѣтьми, мы не могли понять и оцѣнить Пушкина? описанія природы были намъ чужды, потому что мы ее не знали, жизнь же съ ея страстями, также не затрогивала насъ, мы были вполнѣ дѣтьми и по годамъ и по понятіямъ; рѣдкія нашего выпуска вышли изъ института 17 лѣтъ, много же было такихъ, которымъ только что минуло 15 лѣтъ. А между тѣмъ, слова: — «Шиллеровы ангелы» насъ сердили, тѣмъ болѣе, что въ первый разъ онъ были сказаны намъ со вздохомъ сожалѣнія. И вотъ, по какому случаю Плетневъ спрашивалъ, какъ мы представляемъ себѣ свѣтъ, какую желали бы вести жизнь послѣ выпуска и пр.?

Задушевнаго отвѣта мы дать не могли, потому что онъ еще не осмыслился въ насъ, а планы въ родѣ тѣхъ, чтобы имѣть право каждый день самой печь картофель или бѣгать по травѣ, что строго запрещалось въ институтѣ, такого отвѣта дать не рѣшались, потому и говорили не ясно, уклончиво, но очевидно, созерцая будущность въ розовомъ цвѣтѣ.

Когда же онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ спросилъ: — Ну, а если жизнь васъ обманетъ, и васъ постигнуть несчастья?

— Господь избавить насъ отъ этого! сказали всѣ въ голосъ.

— А если нѣтъ? спросилъ Плетневъ.

— О, тогда, мы будемъ молиться! закричало нѣсколько голосовъ.

Плетневъ замолчалъ, задумался и вдругъ, какъ бы желая отогнать докучныя мысли, сказалъ:

— Г-жа Козлова, отвѣьте мнѣ стихи, изъ Іоанны д'Аркъ.

Ахъ, почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала!
И тобою духъ таинственный
Очарована была!

Сашенька К., олицетвореніе поэзіи, душа нашего отдѣленія, встала и отвѣтила заданные стихи.

Плетневъ задумчиво стоялъ, смотрѣлъ и слушалъ; по окончаніи же повторилъ слѣдующее четверостишіе:

Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,

Не скорбящихъ, не
теряющихъ.....

И потомъ, тяжело вздохнувъ,
сказалъ: — это вы Шиллеровы ангелы, это
ваше теперешнее состояніе!

Нѣкоторыя были въ недоумѣніи отъ
словъ его, другія разсердились, думая, что
онъ насмѣхается! А самыя бойкія
закричали ему: — не смѣйтесь надъ нами г—
нъ Плетневъ!

— Я не смѣюсь, дѣвицы, также
задумчиво отвѣтилъ онъ; но послѣ того
сталъ зачастую звать насъ Шиллеровыми
ангелами.

Та же, которая такъ прекрасно отвѣчала
и вся пропитана была Іоанной д'Аркъъ, наша
общая любимица, пережила многія
послѣдующія состоянія Іоанны и кончила,
какъ Шекспир. Офелія.

Года четыре послѣ нашего выпуска, на
экзаменѣ Ек. института, государыня
спросила нашу начальницу: — гдѣ то милое
созданіе, которое отвѣчало у васъ эти же
стихи Das Blümchen Wunderhold, по маман
не вспомнила ее и ничего не могла сказать.

На этотъ вопросъ могли бы отвѣтить
доктора больницы умалишенныхъ: —

Вертеръ и Леманъ; — они говорили, что даже и въ этомъ печальномъ положеніи, симпатичнѣе и прелестнѣе этой дѣвушки трудно было бы найти. Навѣстивъ мою бѣдную, дорогую подругу, которая хотя и была въ памяти, но совершенно безучастна, я узнала и передала ея желанье Плетневу, чтобы онъ посѣтилъ ее, а П. А. грустно отвѣтилъ мнѣ:

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ...

Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ.

Но не рѣшился повидаться съ больной; въ ту пору я упрекала его въ холодности, но годы научили меня смотрѣть на вещи глубже.

Каждое слово Плетнева, обращенное къ воспитанницамъ, было сердечно и разумнонаставительно, только бы умѣть понимать его, тогда мы питали къ нему почти дочернія чувства.

Начальница.

Луиза Ѳедоровна Вистенгхаузенъ.

Постараюсь описать нашу покойную начальницу такою, какою знала и видѣла ее изо дня въ день, цѣлыя пять лѣтъ; она была

исполнительна, какъ олицетворенный долгъ; и всегда вѣрна своимъ правиламъ; къ тому, чинна, нѣсколько холодна, но привѣтлива; не терпѣла ни хвастовства, ни лжи, будучи сама правдива, требовала правды ото всѣхъ, начиная съ классной дамы генеральши и кончая горничной. Когда бывало кого о чемъ спрашивала, тому пристально глядѣла въ глаза, какъ бы вычитывая въ нихъ правду: и не было такой шалуньи, которая бы не смутилась отъ долгаго, внимательнаго взгляда, и не рассказала бы всего, о чемъ ее спрашивали. Въ дѣятельности, ей не было ровни; она весь день на ногахъ, то тамъ, то тутъ, обойдетъ бывало весь институтъ, начиная съ подвального жилья, гдѣ помѣщалась кухня, кладовыя, дѣвичьи, рабочія, баня и прачечная; обойдетъ бель-этажъ, начиная съ лазарета и всѣхъ залъ: голубую, желтую, рояльную, столовую и буфетъ, потомъ второе жилье, гдѣ помѣщалась половина спаленъ и комнаты, называвшіяся классами, въ которыхъ дѣти проводили день. Тамъ заходила она къ учителямъ по очередно, просиживала цѣлый урокъ, вслушиваясь въ преподаваніе и въ отвѣты; особенно напирала на

грамматику, прося не спѣшить преподаваніемъ риторики и пѣтики. Нашъ старый учитель ариѳметики, зная пристрастіе начальницы къ счету на умахъ, каждый разъ заставлялъ насъ упражняться въ этомъ первые $1/4$ часа и, бывало проходя, тамап всегда остановится, послушаетъ и одобрительно кивнетъ головой.

Изъ классовъ она поднималась въ третій ярусъ, весь занятый спальнями, обходила ихъ изъ конца въ конецъ, заглядывая иногда въ комнаты любимыхъ классныхъ дамъ. Комнаты классныхъ дамъ были стѣна обѣ стѣну съ дѣтскими спальнями, и двери ихъ никогда не затворялись. Найдти начальницу гдѣ нибудь было не легкой задачей, ее искали въ подвалахъ, а она сидѣла въ лазаретѣ у постели больной, приходили въ лазаретъ а она уже въ кухнѣ, пойдутъ по наслуху въ кухню, тамап сидитъ въ классахъ и слушаетъ преподаваніе какого нибудь учителя.

Я видѣла ее ночью, передъ свѣтомъ, въ спальней, подлѣ моей постели, съ крошечнымъ зеленымъ ночникомъ въ рукахъ, видѣла въ просоньяхъ, заспала все

и на другой день стала рассказывать свой сонъ, а горничная, случившаяся при этомъ, сказала, что это былъ не сонъ, а явь, что начальница нерѣдко обходить спальни ночью.

Мы не износили ни одного платья, ни одной вещи, ни даже пары башмаковъ, которые бы она сама не осмотрѣла и не заставила при себѣ помѣрить.

Какъ не подивиться терпѣнію 60-лѣтней старушки, которой принесутъ бывало въ голубую залу низенькой столикъ и такой же стульчикъ, разложить по стѣнкѣ сотни полторы башмаковъ вверхъ подошвой съ надписанными номерами; дѣвицы приходятъ по отдѣленіямъ, тихо, чинно берутъ свои башмаки, надѣваютъ, по очереди подходятъ къ начальницѣ, которая, сидя за столикомъ съ грифелемъ и дощечкою въ рукахъ, осматриваетъ, спрашиваетъ каждую и если башмаки въ пору, то вычеркиваетъ тотъ номеръ, который удался. Дѣвицы приходятъ и уходятъ, а она съ невозмутимымъ терпѣніемъ сидитъ и выжидаетъ конца. Или, бывало, сидя у растворенныхъ дверей, зорко и внимательно смотреть на проходящія мимо нея пары,

остановить то ту, то другую, перешпилеть туго натянутую пелеринку, у сильно разгорѣвшагося личика пощупаетъ голову, выправить сутулую, подзоветъ понурую, взглянуть въ заплаканные глаза и прикажетъ рассказать всю правду, о чемъ плакала. Дѣти были бы съ нею гораздо откровеннѣе, если бы не боялись дамъ, а двѣ, три, у насъ были такія, которыя хорошо умѣли вымѣщать. Иногда ей покажется, что дѣвицы мало прыгаютъ и бѣгаютъ въ часы отдыха, она возьметъ у когонибудь мячикъ и начнетъ бросать въ кучу дѣтей, кругъ играющихъ быстро возрастетъ, а она, сдѣлавъ дѣло, передастъ мячикъ классной дамѣ.

Разъ, когда татап спросила мячикъ, а такого не нашлось, она приказала двумъ дѣвицамъ сходить къ ней, принести полные передники клубковъ съ бѣлью, сама закрѣпила ниточки и, разбросавъ клубки по разнымъ кучкамъ, оставила дѣтей забавляться, строго наказавъ при томъ, чтобы не шалили, бѣли не путали и, поигравъ, отнесли бы на мѣсто.

Начальница относилась съ уваженіемъ къ церковнымъ праздникамъ, постамъ, и

часто приходила къ службѣ; мы сначала принимали ее за православную. Съ законоучителями нашими она обращалась съ уваженіемъ, съ прочими учителями вежливо, но холодно, исключая нашихъ старыхъ заслуженныхъ: Плетнева, Постникова, Ломана, Яковлева и Макушина; къ дамамъ была хороша, но участливѣе къ тѣмъ, которыхъ сама воспитала; съ дѣвцами, какъ и со своей меньшей дочерью и внучатами, была равно строга, — ее боялись и уважали. — Если что случалось въ институтѣ необыкновеннаго, то она не скрывала ничего, а ѣхала во дворецъ и докладывала о томъ государынѣ.

Жизнь ея была говорятъ очень печальна; она обѣднѣла тогда, когда стала подростать многочисленная семья; кажется, мужъ ея не могъ содержать семейства, по непривычкѣ—ли къ труду или по неумению; въ наше время онъ былъ сѣдымъ старичкомъ и корпѣлъ надъ библейскимъ переводомъ; такая работа не могла кормить семью.

Императрица Елисавета Алексѣевна, узнавъ о положеніи ихъ, опредѣлила Л. О. классной дамой въ домъ Трудолюбія,

позволивъ поселиться тамъ всему семейству. Содержаніе было скудное, но вскорѣ открылась ваканція директриссы въ Патріотическомъ институтѣ, и Государыня перевела туда свою любимицу. Говорятъ, старшія дочери помогали класснымъ дамамъ заниматься съ дѣтьми, а меньшія учились съ ними вмѣстѣ. Пяти-тысячное (т. е. ассигнаціями) жалованье улучшило внѣшнее положеніе, но къ старому горю прибывало новое: — потеря за потерей взрослыхъ, умныхъ, прекрасныхъ дочерей, потеря Императрицы Елисаветы, ангела хранителя семьи ея, — все это пригнетло старушку.

Я слышала нѣчто о молодости ея отъ одного почтеннаго русскаго англичанина, знавшаго ее еще въ Финляндіи; это была женщина высоконравственная, верующая, ласковая, радушная, полная жизни, рѣдкая мать, отличная хозяйка, пріятная собесѣдница, однимъ словомъ, закончилъ старичокъ, Л. О. есть первообразъ женщины.

Отъ него же я узнала, что татап была урожденная Бодиско, по крещеніи католичка, по воспитанію — лютеранка.

При мнѣ въ пять лѣтъ у нея умерли чахоткой двѣ мододыя замужнія дочери и единственный сынъ лицеистъ. — Мы никогда не слыхали ея смѣху, рѣдко видали улыбку; горевали всѣ сердечно и плакали, когда ее постигало несчастіе, но обожать, въ смыслѣ институтскаго обожанія, — не обожали ее.

Вотъ какою мы знали нашу маман Вистенгхаузенъ.

Въ «Русской Старинѣ» помѣщенъ странный анекдотъ, который вовсе не сходится съ нравомъ покойницы. «Когда вспыхнуло возмущеніе 14 декабря 1825 года, мнѣ было 15 лѣтъ; воспитывалась я тогда въ С.-Петербургскомъ Патріотическомъ институтѣ.

«При доходившемъ до насъ громѣ орудій, мы, институтки, страшно перепугались. Пальба продолжалась, а между тѣмъ, начальница института г-жа Вистенгхаузенъ стала говорить намъ: — это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за грѣхи ваши; самый тяжкій и самый важный грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по французски, точно кухарки болтаете все по русски!

«Въ страшномъ перепугѣ, мы вполнѣ сознали весь ужасъ нашего грѣхопаденія, и на колѣняхъ, предъ иконами, съ горькими слезами раскаянія, тогда же поклялись начальницѣ института вовсе не употреблять русскаго языка.

«Наши заклятія были какъ бы услышаны: пальба внезапно стихла, мы всѣ успокоились, — и долго послѣ того въ спальняхъ и палатахъ Патріотическаго института не слышалось русскаго языка.»

Кто изъ знавшихъ Л. Ө. не подивится этому разсказу, особенно же припомня страшныя событія, которыя розыгрывались почти въ глазахъ института, стоящаго на набережной, не далеко отъ Исакиевскаго моста, на которомъ толпились возмущившіяся войска; конецъ былъ еще неизвѣстенъ, все пришло въ смятеніе, народъ волновался, Петербургу было не до глупыхъ шутокъ, а и того менѣе начальницѣ института, преданной всѣмъ сердцемъ почившему Государю и царственной вдовѣ его; тѣмъ болѣе, что вѣсть о кончинѣ царя и о безнадежности царицы, только нѣсколькими днями предшествовала тому страшному происшествію, которое, къ

сожалѣнію, такъ легко рассказано воспитанницею нашего Патріотическаго института.

Классныя дамы болѣе вліяли на дѣтей частно, своею личностію: вліяли и сообщая, поддерживая собою институтскій строй.

Большая часть ихъ воспитывалась у насъ же, онѣ жили дружно; если же у которыхъ выходили столкновенія, и онѣ не очень ладили межъ собою, то все таки относились другъ къ другу съ уваженіемъ и вежливостію, остерегаясь, чтобы дѣти не подмѣтили недостатковъ и не подняли ихъ на зубокъ; разумѣется, мы осмѣивали только тѣхъ, которыхъ не любили.

Образцевою дамою изъ Патріотовъ была, изъ стороннихъ, А. П., почтенная, добросовѣстная и очень разсудительная старушка, къ которой, по житейской опытности ея, приходили классныя дамы за совѣтами. Еще изъ стороннихъ видѣлялась справедливая, очень умная и образованная М-elle Л., воспитанница Петербургскаго Екатериненскаго института. — Здѣсь я называю только особенно любимыхъ дамъ, но были и другія, достойныя уваженія,

были также и несносныя придиры, которыхъ дѣти терпѣть не могли.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.

(Окончаніе).

Мысловскій.

Нашъ старшій законоучитель былъ П. Н. Мысловскій, главный протоіерей Казанскаго собора, любимецъ и баловень тогдашней знати; говорятъ, онъ особенно выдѣлился и получилъ значеніе 14-го декабря 1825 года.

Ему данъ былъ доступъ къ заключеннымъ въ крѣпости, куда являлся онъ ангеломъ утѣшителемъ, принося вѣсти отъ семей, и доставляя ихъ обратно.

Наружность его была осаниста и величава, вся грудь въ крестахъ; одевался онъ великолѣпно.

Будучи еще въ маленькомъ классѣ, мы съ подобострастіемъ смотрѣли на него и ждали законнаго срока заобожать, ждали также и его знаменитой исповѣди, объ которой шла молва не только у насъ, но и въ первыхъ Петербургскихъ слояхъ, что нѣтъ человѣка, который не тронулся бы его увѣщаніями и не залился бы слезами.

Въ маленькомъ классѣ мы исповѣдывались не затѣйливо, безо всякой церковной обстановки, а просто, въ желтой залѣ, да еще по нѣскольку дѣвочекъ заразъ.

Недальній, но очень тихій и добрый батюшка П..... всегда сводилъ исповедь на постъ и оканчивалъ вопросами: — По скольку у васъ блюдъ да столомъ и какое кушанье больше любите?

Онъ однакожъ добросовестно исполнялъ свое дѣло, и хорошо, научно подготовилъ насъ къ большому классу. Вотъ настало страшное и радостное время: большихъ выпустили, а насъ перевели на ихъ мѣсто въ комнаты большого класса.

Почетъ перваго урока и при поступленіи въ большой классъ искони предоставлялся законоучителю.

Батюшка Мысловскій вошелъ въ сопровожденіи начальницы, важно и осанисто благословилъ насъ, прочиталъ начальную молитву и, слегка проэкзаменовавъ, объявилъ, что теперь будемъ учить толкованіе литургіи и церковной исторіи; онъ краснорѣчиво выразилъ свои надежды на будущіе успѣхи

наши, а мы напрягали всѣ силы свои для пущаго обожанія, провожая его криками: ангель! ангель!

— Да, дѣти! задумчиво сказала наша классная дама: — батюшка Мысловсѣй хорошъ, но все не то, что былъ нашъ покойный батюшка Черетковъ!

— Отчего не такой? Какой же былъ батюшка Черетковъ?

— Тотъ былъ очень добръ и очень правдивъ! — И вашъ хорошъ, прибавила она въ наше успокоеніе.

— Да, нашъ батюшка Мысловскій очень хорошій, — настоящій ангель! и какъ ходитъ, и какъ благословляетъ! онъ просто чудо!

Насъ поражала и его осанка и важность, и великолѣпная подкладка широкихъ рукавовъ, и его кресты золотые, и чугунный, и аметистовый съ брилліантами, пожалованный за послѣдній выпускъ Патріотическаго института.

— Mesdames, что то дадутъ ему за насъ? спрашивали мы другъ друга.

Услыхавъ однажды наши толки, батюшка сказалъ: — награды за дѣтей моихъ я ношу здѣсь! и онъ указалъ на

грудь свою. Дѣвочки не поняли, говорилъ ли онъ о наградѣ внутренней или внешней. Мы учились очень старательно и успѣшно, и къ выпуску знали все, чего желалъ нашъ законоучитель; но кажется, онъ упустилъ изъ вида религіозно—нравственное развитіе, — а какъ легко ему было вліять! Немногія библейскія выраженія, которыя онъ растолковалъ, сдѣлались правиломъ институтской жизни.

«Да не зайдетъ солнце во враждѣ вашей», было могучимъ оружіемъ въ рукахъ подруги, желающей помириться.

Чтеніе Евангелія мы слышали только въ церкви, и далеко не приписывали бы Ему высокаго значенія, если бы не было у насъ нѣсколько сторонняго вмѣшательства; но объ немъ поговоримъ въ другое время.

Насталъ великій постъ, пришло и время говѣнья; церковный унтеръ Сидоръ принесъ нѣсколько охапокъ книгъ; тамъ были: псалтыри, служебники, быть можетъ Евангеліе и четыре огромныя Четвы—минеи; разумѣется, мы бросились на послѣднія, которыя по самому объему своему обратили на себя болѣе вниманія, и съ жадностію стали ихъ читать.

Наша классная дама хотѣла ихъ отобрать, но мы противились, крича: — это даль батюшка Мысловскій!

Надо сказать, что у насъ все начальство трусило Мыслового.

Мелентьева пошла къ Сидору, переспросила его, потомъ пошла къ начальницѣ, оттуда отправилась къ нашей доброй, набожной лазаретной дамѣ К. Ив. Рыбаковой, и въ тройственномъ ихъ союзѣ положено было не отнимать у насъ Четыи—миней, такъ какъ она дана была законоучителемъ, но позволить читать житія святыхъ только по выбору.

У насъ поднялся страшный ропотъ; классная дама, хмурясь и краснѣя, объявила, что дастъ намъ читать избранныя К. Ив. житія, и что мы должны обѣщать ей другаго не читать; она вѣрила нашему честному слову и могла положиться на него.

Опять поднялся шумъ, нѣкоторыя стращали батюшкой, классъ волновался, но Melle Мелентьева была тверда, какъ скала, и настояла на своемъ.

Мы жадно накинулись на указанные намъ житія; дѣтское воображеніе не дремало, а сильно работало. Намъ снились

мученики и мученицы; нѣкоторыя даже на яву увидали сіяніе на головѣ монаха, отправлявшаго вечернюю службу.

Такъ съ недѣлю мы прожили въ совершенно отвлечонномъ мірѣ, и закончили дни тѣ знаменитой исповѣдью.

Едва дыша, входили мы по одиночкѣ въ тускло освѣщенную церковь, въ слезахъ падали передъ аналоемъ, рыдая слушали звучные возгласы: какъ небо отверзается и ангелы, ликуя, собираютъ слезы и на крыльяхъ возносятъ ихъ къ престолу Господа.

По отпущеніи грѣховъ, мы восторженно выходили къ подругамъ, съ сознаниемъ своего достоинства.

Къ сожалѣнію, намъ не доставало прикладнаго, обиходнаго и житейскаго направленія, покаяніе и сокрушеніе это было какое то отвлеченное, безъ всякаго сознанія долга, обязанностей, прямой жизненной цѣли. Горячее чувство безсознательно расплылось въ какомъ то туманѣ: никто не понималъ, къ чему должно стремиться; поученія и самая исповѣдь наша возносила насъ слишкомъ высоко подъ небеса, даже вовсе унося отъ

земли; церковь и вѣра стали одиноко сами по себѣ, а жизнь и быть нашъ самъ по себѣ, какъ вещи взаимно несоизмѣримыя.

По недостатку времени, батюшка служилъ у насъ рѣдко, но когда назначалъ какое нибудь воскресенье, то дѣти всю недѣлю готовили церковное пѣніе: для него пѣлись концерты, подмѣчались его любимые напѣвы, и не смотря на трудность выполненія, достигали его одобренія. Ему вышивались складчиной къ праздникамъ ковры, скамейки, подушки и прочія вещи; дѣти сносили рублями и двугривенными, кто по скольку могъ, неимущія же жертвовали каждой свободной минутой для работы, — и какъ счастливы были всѣ, когда батюшка привѣтливо благодарилъ насъ.

Прошли мѣсяцы и годы, насталъ нашъ выпускъ. Батюшка сказалъ, въ присутствіи Царицы, короткую, но великолѣпную проповѣдь, въ которой сравнивалъ насъ съ любимымъ виноградникомъ Господнимъ, и въ концѣ, благодарилъ Государыню за насъ и велѣлъ намъ пасть передъ Нею на колѣни; въ порывѣ истинной любви и благодарности, мы въ слезахъ упали предъ

Царицей, и Она, сама заплакала; послѣ этого, мы еще сильнѣе стали обожать батюшку за то, что онъ такъ хорошо высказалъ то, что было у насъ на сердцѣ. Это чувство къ нему мы и вынесли за порогъ института, но съ нимъ же вмѣстѣ перешагнула тѣмъ двухъ случаевъ: перваго, — нѣсколькихъ словъ съ движеніемъ руки, втораго, — одного только взгляда, который неизгладимо врѣзался въ моей памяти. Оба случая шли въ разрѣзъ съ должнымъ къ нему уваженіемъ.

Въ первомъ случаѣ, онъ несправедливо отнесся о начальницѣ, что болезненно и тяжело отозвалось въ насъ; чувство справедливости возмутилось и стало за необожаемую татап, противъ обожаемаго батюшки.

Прѣхавъ, лѣтъ черезъ пять послѣ выпуска, въ Петербургъ, я замѣтила, что въ товаркахъ моихъ обожаніе къ законоучителю испарилось, а уваженіе къ начальницѣ возросло.

Катерина Ивановна Рыбакова.

Всѣмъ лазаретомъ заправляла старушка, лазаретная дама, лѣтъ подъ шестьдесятъ,

маленькая, толстенькая какъ дубъ, живая и скорая, на сколько ей позволяла толщина ея и утиная походка въ перевалку.

Катерина Ивановна Рыбакова, (пишу настоящее имя старушки, потому что оно дѣлало честь не только одному институту, но всѣмъ женщинамъ вообще), по самой природѣ своей была истинной сестрой милосердія. Она врачевала внѣшнія и внутреннія болѣзни: у нея взрослые искали душевнаго утѣшенія и толкованія вопросовъ совѣсти, мы же, дѣти, слушали ее, какъ ту великую, почти единственную ея книгу, которую она не разгибала иначе, какъ осѣняясь крестомъ.

Обращеніе ея было доброжелательно, но нѣсколько грубовато, наружность же крайне забавная: малорослая, толстая, въ ситцевомъ капотѣ, подпоясаная ситцевымъ кушакомъ, безъ платка, въ коленкоровомъ чепцѣ съ широкими, болтающимися оборками, съ засученными рукавами, переваливаясь съ ноги на ногу, она возбуждала вначалѣ безпрестанный смѣхъ, — но къ ней скоро привыкали; желтовато блѣдное лицо, гладко лежащіе

сѣдые волосы и ясный, добрый взглядъ ступевывали остальное.

Катерина Ивановна, кромѣ начальницы, всѣмъ говорила ты, и будучи сама крайне исполнительна, требовала того же и отъ другихъ.

Чаще всѣхъ доставалось отъ нея нашему эконому; иногда посылала она ему со старой, заслуженной горничной Оеклушей такіе привѣты, что онъ самъ являлся къ ней на другой день послѣ обѣда, и спрашивалъ, хорошъ ли сегодняшній столъ?

— Я отъ тебя, отецъ мой, лишняго не требую, но и своего не упущу, обыкновенно отвѣчала старушка.

Конечно, никому и въ голову не приходило считать лишнимъ три порціи обѣда, которая съ поконъ вѣка отпускались на ея долю; у нея былъ диковинный аппетитъ: ей отпускались почти двѣ порціи дамскихъ, одна порція больныхъ и одна слабыхъ.

Бывало, мы съ удивленіемъ смотримъ, какъ она опоражниваетъ одинъ за другимъ три судочка горячаго, три втораго и три третьяго блюда, и все это съ помощью цѣлой восмикопѣчной бѣлой булки и

десятикопѣчнаго кислосладкаго хлѣба, съ которыхъ срезывала корочки и отдавала выздоравливающимъ.

Она особенно стояла за здоровую и питательную ѣду, и всегда находила, что дѣти, выздоравливая, нуждаются въ большомъ количестве пищи; тогда докладывала начальницѣ, которая, пожимая плечами, приказывала увеличить и безъ того довольно хорошія порціи, но если и этого, по соображеніе Катерины Ивановны, было недостаточно, тогда являлась изъ булочной большая корзина съ хлебами, съ масляными, солеными булочками, съ рогульками, кренделями и прочими съѣстными вещами. — Корзина ставилась въ собственную комнату К: Ив., приглашались выздоравливающіи къ ней на вторичный чай, и хлѣбъ исчезалъ довольно быстро; Катерина Ивановна весело покашивалась на опустѣвшую корзинку, и спрашивала: — сыты ли дѣти?

— Сыты, сыты! кричали наѣвшіися до нельзя дѣвочки, тогда она вставала изъ за стола, и набожно крестилась на образа.

Дѣти всегда съ уваженіемъ смотрѣли на это.

Надо прибавить, что за такія угощенія, она расплачивалась своими трудовыми деньгами, что мы случайно узнали отъ горничной Өеклы.

За то, и мы любили и тѣшили старушку, какъ умѣли: каждый вечеръ играли въ ея любимую игру — короли, даже подтасовывали ей карты; она разомъ брала девять взятокъ, и въ радости своей, что такъ скоро попала въ короли, не замѣчала нашей плутни.

Какъ памятна мнѣ ея свѣтлая, большая комната, на окнахъ лимонныя деревья, на полу въ кадкѣ ветвистая смоква, заменявшая оконную занавѣску, въ углу огромный старинный кіотъ съ образами, съ полочками внизу для просфоръ, ладону, масла и священныхъ книгъ, передъ образами неугасимая, синяя, хрустальная лампадка.

Помню мерцанье синяго огонька, и передъ нимъ зачастую, ничкомъ па полу, старушку, въ белой юбкѣ и ночной кофтѣ; она казалась вся погружена въ молитву, но чуть слышится въ сосѣдней комнатѣ легкій стонъ или шелестъ, она, барахтаясь,

поднимается съ поду, и спѣшно, въ перевалку, обходитъ постели больныхъ.

Можно было подумать, что она по ночамъ вовсе не спитъ, если бы, по временамъ, изъ комнаты ея не раздавался страшный храпъ.

— К: Ив: грѣхъ то, или грѣхъ это? спрашивали ее дѣти, и старушка, заслыша такой вопросъ, садилась, брала спрашивавшую за руку, и мѣрно, отчетливо, евангельскимъ словомъ отвѣчала ей.

— К: Ив: бываютъ чудеса? К: Ив: знаете ли, что Машенька видѣла сіяніе надъ отцомъ Агапіемъ?

На подобныя видѣнія, старушка всегда отвѣчала разумно, мѣтко, но не отбивала охоты впредь обращаться къ себѣ. — Со служащими, она была взыскательна, даже иногда и доктору Вальтеру выговаривала, если онъ замѣдлялъ прійти къ трудной больной; горничныя трусили ее, потому что она не спускала имъ недозору. Однажды, привели дѣвочку въ сильномъ жару; К: Ив: приказала приготовить теплую ножную ванну, а сама занялась другими больными.

Любимица ея, горничная, гадчинская Оеклуша, посвоевольничала, не сказавшись

никому, ни К: Ив:, ни помощницѣ ея У: Θ: принесла кадочку и сунула въ горячую воду ноги ребенка; — та вскрикнула. Помню, какъ оцетинившейся насѣдкой, К: Ив: бросилась туда, выхватила ноги больной, затѣмъ раздалось нѣсколько звонкихъ пощечинъ горничной, потомъ старушка прилегла къ дѣвочкѣ, моей сосѣдкѣ, и стала укачивать ее, какъ маленькаго ребенка. Видя однако, что та не переставала плакать, К: Ив: стала рассказывать ей жизнь ея ангела хранителя и все терпѣнія мучениковъ, прибавивъ къ тому: — а мы то съ тобой ни отъ гнѣва, ни отъ боли удержаться не можемъ!

Не смотря на строгость К: Ив:, горничная громко плакала, узнавъ, что старушка, по немочи своей, оставляетъ институтъ; у нея развилась сильная водяная, отъ которой она, мѣсяца черезъ два, скончалась въ домѣ деверя своего контръ адмирала Рыбакова.

Передъ смертію, ей захотѣлось посѣтить институтъ, и мы однажды, къ великой радости своей, увидали ее въ саду въ маленькой бесѣдочкѣ съ татап. Старушка была сверхъ обычая очень нарядна: въ

бѣломъ капотѣ и сиреновомъ легкомъ платкѣ.

— К: Ив: у насъ! К: Ив: пріѣхала! разнеслось по саду, и всѣ дѣти и классныя дамы побѣжали къ маленькой бесѣдкѣ, гдѣ начальница обычно пила послѣобѣденный кофе и чай.

— Здравствуйте, здравствуйте, добрая К: Ив:! кричали ей со всѣхъ сторонъ.

Старушка привѣтливо кланялась, смѣялась, а на глазахъ ея стояли слезы. Мы замѣтили въ ней на этотъ разъ какое-то необыкновенное спокойствіе; говорятъ, она знала и помянула даже, что ей остается жить не мѣсяцы, а дни.

Недѣли черезъ двѣ, въ институтѣ пошла по рукамъ печальная карточка съ черными коймами, извѣщавшая о кончинѣ ея.

Н: В: Гоголь.

Мы очень любили всеобщую исторію, и учитель нашъ, покойный Блинецовъ, умѣлъ не только поддержать любовь эту, но усилилъ ее своими живописными рассказами. Мы всегда, какъ праздника, ожидали его класса; у него все оживало и становилось живыми картинами: Троянская

война рассказывалась также просто и поэтично, какъ у Гомера, Мараѳонская битва, смерть Сократа, рѣчи Демосѳена волновали насъ такъ, какъ бы все это воочию совершалось.

Такъ прошли мы съ Близнецовымъ почти всю древнюю исторію, зная хронологическія таблицы не хуже таблички умноженія. Вдругъ, Близнецевъ заболѣлъ; долго ждали его, но онъ не являлся, потомъ разнесся слухъ, что онъ умеръ. Мы его сердечно оплакали, какъ добраго, умнаго и занимательнаго учителя.

Однажды, въ свободный часъ, вошелъ къ намъ улыбающійся Плетневъ и, пристально, шутливо поглядывая, представилъ намъ блѣднаго, бѣлокураго молодаго человека, съ неизмѣримымъ хохломъ, съ большимъ острымъ носомъ, съ быстрыми карими глазами и съ порывистыми, торопливыми движеніями.

— Вотъ вамъ новый учитель исторіи, Н: В: Гоголь, прошу учиться у него также хорошо, какъ у покойнаго Близноцова; — и намъ обоимъ ничего болѣе не останется желать, сказалъ Плетневъ, потомъ сталъ насъ экзаменовать. —

Происшествія и годы лились у насъ безостановочно; кажется Гоголь смутился нашими хронологическими знаніями, и думая, что мы все заучили въ долбяжку, вдругъ предложилъ вопросъ: — Кто жилъ у Евреевъ въ такомъ то году? Ему ответили вѣрно, и, не переводя духу, назвали всѣхъ современниковъ по народамъ —

Гоголь замолчалъ, и болѣе не предлагалъ вопросовъ, а сталъ порывисто грызть кончикъ носоваго платка. Впослѣдствіи мы догадались, что это былъ признакъ нетерпенія и неудовольствія.

Плетневъ одинъ продолжалъ спрашивать и, поконча у насъ, прошелъ своимъ медленнымъ шагомъ, вытягивая ногу за ногой, въ сосѣднее отдѣленіе; слѣдомъ за нимъ, неровно и вертляво пробѣжалъ Гоголь, помахивая бѣлымъ носовымъ платкомъ.

Вскорѣ мы замѣтили, что ученіе исторіи у насъ совершенно измѣнилось: послѣдовательные краснорѣчивые рассказы, подкрепляемые годами, смѣнились отрывочными; о хронологическихъ таблицахъ помину не было, появилось нѣчто въ родѣ

исторической критики; философія взяла перевесъ надъ простымъ знаніемъ событій, — вездѣ отыскивались причины и будущія послѣдствія ихъ. — Насколько основательны были умозаключенія двадцати-трехъ лѣтняго философа? не знаю; но объ познаніяхъ нашихъ скажу, что онѣ значительно понизились, впрочемъ, едва ли и самъ Гоголь такъ ли силенъ въ исторіи, какъ бы слѣдовало адъюнкту-профессору Петербургскаго университета.

Преподаваніе его было не ровное, отрывчатое; однихъ событій онъ едва касался, о другихъ же слишкомъ распространялся; главной заботой его была наглядность, живость представленія. Однажды, пробѣгая общимъ обзоромъ исторію Франціи, Гоголь схватилъ мѣль и, продолжая рассказывать, въ то же время чертилъ на черной доскѣ какія то фигуры въ родѣ горъ, площадокъ и обрывовъ; на каждомъ подъемѣ или спуске, писалъ имя Государя, возвысившаго или уронившаго Францію; насъ особенно удивляла высокая скала, на подъемѣ, на верхушкѣ и на подошвѣ которой стояло одно и то же имя: Людовика XIV-го.

Мы ахнули, а Гоголь весело засмѣялся; — онъ достигъ своей цѣли, — увлекъ насъ.

Чтобъ яснѣе и ближе познакомить насъ съ историческимъ временемъ, онъ приносилъ множество дорогихъ картинъ въ краскахъ, изображающихъ одежду, утварь, оружіе и памятники древнего міра; картины среднихъ вѣковъ: готическіе замки, храмы, разодѣтыхъ дамъ и рыцарей, потомъ, галлереею королей французскихъ, картины временъ Лудовика XIV.

Иногда, увлекаясь своимъ поэтическимъ воображеніемъ, онъ вдругъ изображалъ передъ нами причудливыя калейдоскопическія картины, быстро перенося слушательницъ изъ мѣста въ мѣсто: то указывалъ на прекрасную Грецію, всю въ садахъ и павильонныхъ рощахъ, изъ за которыхъ бѣлѣются мраморныя колонны и портики; то на жителей ея, достойныхъ резца и кисти Фидіа и Праксителя; то вдругъ обращалъ вниманіе наше на древній Египетъ, покрытый пирамидами, гдѣ, между стройными пальмами, покоятся гранитныя сфинксы и тускло глядятъ каменными

очами на обелиски со священными іероглифами.

Одна картина смѣняла другую; едва дыша, слѣдили мы за ними и не замѣчали того, что ораторъ, въ пылу разсказа, дралъ перо, комкалъ и рвалъ тетрадь, или опрокидывалъ чернилицу.

Впослѣдствіи, историческія статьи его, помѣщенные въ арабескахъ, воскресили въ памяти моей увлекательныя лекціи Гоголя, мнѣ точно снова слышалась его торопливая рѣчь, неправильный выговоръ, и снова становилась передо мною блѣдная, вертявая фигура съ огромнымъ свѣтлорусымъ хохломъ, съ искристыми карими глазами и саркастически подергиваемымъ ртомъ.

Расказы Гоголя были сущія импровизаціи даровитаго поэта, но только тогда, когда поэтъ былъ въ хорошемъ расположеніи; если же приходилъ не въ духѣ, то зѣвалъ, говорилъ вяло, не поднимая глазъ, грызъ перо и ли кончикъ носоваго платка, спрашивалъ слабыхъ, насмѣхался, не досиживая своихъ часовъ, бросалъ урокъ, и уходилъ; иногда,

недѣлями не являлся, и ему это спускали, ради Плетнева.

Начальница укоризненно говаривала инспектору:

— Мнѣ кажется, вы балуете Гоголя; носитесь съ нимъ, какъ съ сырымъ яичкомъ!

— Погодите, Луиза Ѳедоровна, дайте срокъ, онъ выровняется, изъ него выйдетъ отличный учитель!

Но Плетневъ ошибался. Гоголь не выровнялся; соскучался и бросилъ профессорство; возможно ли было ему, кипучему, гениальному человѣку, усвоить скромную труженическую жизнь учителя?

Гоголь былъ не только своенравенъ, но и лѣнивъ; онъ никогда не приносилъ своихъ записокъ, а заставлялъ лучшихъ ученицъ составлять ихъ со словъ своихъ, вписывая къ тому еще не помянутые года; по этимъ то дѣтскимъ запискамъ мы учили исторію.

Конечно, нѣкоторымъ изъ насъ и это принесло пользу, наострило вниманіе, заставило вдумываться и послѣдовательно рассказывать слышанное.